

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

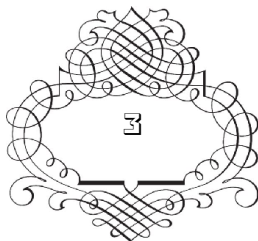

Александр

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Поэмы

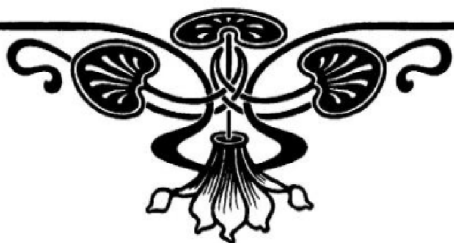
Волгодонск
2015

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Собрание сочинений Т. 3 : Поэмы / Александр Владимирович Степанов. – Волгодонск : Самиздат, 2015. 261 с.

В третьем томе собрания сочинений собраны сказки и поэмы, публиковавшиеся в сборниках и отдельных изданиях: «Богатыри» 2013 г., «Колдун» 2002 г., «Сказки» 2013 г.

БОГАТЫРИ

**Моим любимым женщинам:
бабушке Анисье Сергеевне Бунеевой,
маме Нине Павловне,
жене Валентине,
дочери Евгении Шаймуратовой,
внучке Карине Шаймуратовой.**

●

БОГАТЫРИ

Как-то раз слова, как гири,
обронил в сердцах Сварог:
«Я ль не самый главный в мире
и не самый сильный бог?
Говорю вам: стыдно, братья,
драться лишь да пить вино,
люди шлют с земли проклятья
мне и вам давным-давно.
С той поры, как нашей волей
мы им разум дали в дар,
загуляло зло, как в поле
по сухой траве пожар.
Мы готовили им счастье,

получилось – как всегда:
без присмотра и без власти
только горе и беда.
Нет по всей земле закона,
кто сильнее – тот закон.
Вот и лезут к ним драконы,
почитай, со всех сторон.
Жгут огнём поганым хаты,
жрут в три рта крестьянский скот
и ни в чём невиноватый
губят праведный народ.
Потому хочу я, братья,
вас на Русь послать скорей,
жизнь там сделайте приятней,
чем за пазухой моей».
И послушны старшей воле
боги кликнули коней,
те по небу, как по полю,
понесли богатырей.
На Руси народ убогий,
наблюдая звездопад,
говорил: «Наверно, боги
нам опять бедой грозят.
Знать, опять придёт татарин
за поживой по весне,
или идол злой Тугарин
загуляет по стране».
А у бедного народа
на Руси защиты нет

от врагов, от недорода
и от прочих зол и бед.
Правда, в Киеве престольном,
сев на свой законный трон,
правит князь Владимир, только
не заступник людям он.
Лишь застольем да пирами
прославляет княжий двор.
В это время за лесами
объявился новый вор.
У Смородины у речки,
чья вода земли черней,
на дубу, словно на печке,
сел разбойник Соловей.
С той поры сюда тропинки
замуравлены лежат,
птицы, словно на поминках,
не поют и не свистят.
А разбойник без натуги
правит свой неправый бал:
всех больших людей в округе
оплевал и освистал.
Криком-посвистом звериным
Одихманта злобный сын
убивает, как дубиной,
жён невинных и мужчин.
То ли ветер в поле свищет,
по-мальчишески резвясь,

то ли зверь по лесу рыщет,
за деревья хоронясь,
то ли дождь косые ноги
расставляет вдаль и вширь,
то ли скачет по дороге
неизвестный богатырь?
Закричали соловьята
из соловьего гнезда:
«Поспешай скорее, тата,
кто-то едет к нам сюда.
По всему видать, что в силе,
коли мчит во весь опор.
Может, то Добрыня или
русский витязь Святогор»?
«Не пугайтесь, ребяташки, –
засмеялся Соловей, –
эти жалкие людишки
дохлой мухи не страшней.
И у этого на роже
вижу рабскую печать,
про такого вам не гоже
во все горло верещать.
Ну, какая с него взятка,
голодраный, как вся Русь,
ладно, свистну для порядка,
хоть немного развлекусь».
И беды своей не зная,
он пустил змеиный шип.
Полетела пыль густая

выше ясеней и лип.
С корнем вырвало три дуба,
ну, а мелочи не счесть.
Веселиться душегубу,
знать, серьёзный повод есть.
Пыль осела, соловьята
смотрят через бурелом:
«Шип змеиный, видно, тата,
мужичине нипочём.
Как скакал он, так и скачет,
знать, воистину силён,
засвисти скорей, иначе
заберёт он нас в полон».
«Ну, чего вы застонали, —
оборвал их Соловей, —
не таким рога ломали
и сшибали с лошадей».
И своей беды не зная,
он пустил соловий свист.
Затряслась земля сырая,
как осины зябкий лист.
Солнце спряталось за пылью,
утопив в ней ясный взгляд,
с перепуга волки взвыли,
растеряв во тьме волчат.
Затрубил вдали сохатый,
застонал седой медведь,

будто к ним пришла за платой
посреди веселья смерть.
Птицы падали на травы,
словно спелые плоды,
словно люди от отравы
или пакостной бурды.

Пыль осела понемногу,
снова крик в гнезде и вой:
«Тата, скачет по дороге
мужичина за тобой».
«Цыц, не каркайте, вороны», –
Соловей сорвался в крик
и в порядке обороны
испустил звериный рык.
Всё в одну смешалось кучу
от небес и до земли:
по реке поплыли тучи,
как по морю корабли.
По степи, кусты сжигая,
припустилось солнце вскачь,
а за ним луна, стеная,
покатилась, как калач.
Горы вздрогнули от страха
и тотчас же из-за туч,
словно головы по плахам,
покатились камни с круч.
Завалили перевалы
и долины славных рек,
по которым раньше плавал
в гости русский человек.
И на целое мгновенье
отступила жизнь назад:
птицы, звери и растенья
бездыханные лежат.

Среди лета злая вьюга
налетела, словно тать,
бьёт наездника в кольчугу,
как копьём, ядрёна мать.
Улеглась немного буря,
будто девичья печаль,
Соловей, глаза прищуря,
снова зорко смотрит вдаль.
Видит, скачет бездорожьем,
как и прежде, мужичок.
Соловей сбежал бы, может,
да поднять не в силах ног,
засвистал бы вновь, да губы
вдруг свело, как от вина.
Знать, паскуднику не любя
скорой смерти желтизна.
Усмехнулся вкривь проезжий:
«Это кто тут верещал?
Соловьёв таких я прежде
почему-то не встречал.
Может, стоит потягаться,
побороться с птицей в круг,
только с нечистью вязаться
мне сегодня недосуг.
По прямой дороге еду
город Киев посетить,
у Владимира к обеду
позарез мне надо быть.
Не коси поганым оком,

не мешайся, волчья сыть,
я могу ведь ненароком
поломать и пришибить».
Закричали вдруг с вершины
соловьята, как коты:
«Тата, тата, с мужчиной
не сражайся лучше ты.
Уступи ему дорогу,
пусть идёт своим путём.
Мужиков в округе много,
мы себе других найдём».
«Брысь, сопливые паскуды, –
рявкнул гневно Соловей, –
не уйду теперь отсюда,
хоть и до смерти убей».
«Коли так, придётся биться, –
мужичок сказал в сердцах, –
что за дьявольская птица,
неразумный, видно, птах».
Булава, взлетев как мячик,
опустилась точно в глаз.
Дураков учить иначе
бесполезно иной раз.
Слез с коня мужик устало,
привязал к седлу врага,
проворчал: «Уж лучше, малый,
ты б ударился в бега.
А теперь тебя в столицу

заберу с собой в полон,
там отдам разбойной птицей
князю нашему поклон».
И опять помчался споро
по дороге мужичок.
Конь леса, моря и горы
пропускает между ног.
«Не скачи, как за бедою, —
расстонался Соловей, —
придержи коня уздою,
жизнь соловью пожалей.
Развяжи на время руки,
дай напиться из реки,
по грехам такие муки
непомерно велики».
«Ой, не жалобись напрасно, —
мужичок ему в ответ, —
сказки слушать мне и басни
никакой охоты нет.
Иль ты ратников могучих
не гонял среди степей,
или ты людей не мучил,
иль не бил богатырей?»
«Это верно, не боялся
ни мечей я и ни пик.
И откуда только взялся
ты на горе мне, мужик?»
Богатырь к врагу склонился,
сел удобнее в седле:

«Я на горе псам родился
в Карачарове селе.
Это там, где город Муром
украшает Русь собой,
где без войн живет и дури
испокон народ честной.
Только мне Господь с рожденья
хворь-беду послал в удел,
тридцать лет я без движенья
на печи, как пень, сидел.
Говорил отец: «Подмогу
от тебя я ждал, сынок,
не угодно, видно, Богу,
чтоб пахать ты мне помог,
чтоб дрова готовить в зиму,
чтобы сено класть в стога.
Эх, судьба моя, судьбина,
до чего же ты строга».
Целовал меня он в очи,
уходил один пахать.
Мать шептала мне: «Сыночек,
Богу с неба все видать.
За великие страданья
он тебе сто крат воздаст».
По ночам её рыданья
слышал я десятки раз.
Но однажды, когда дома
был один я, словно перст,

старичок к нам незнакомый
завернул из дальних мест.
Поздоровался по чину,
по обычью крест поклал.
«Ну-ка, с печки слазь, детина, —
мне приветливо сказал. —
Да подай испить водицы,
уморился больно я,
прыгай на пол, не годится
обижать гостей, Илья».
Спрыгнул я и пешим ходом
за водой пошел во двор.
До чего сладка свобода
ты узнаешь скоро, вор.
Облака плывут по сини,
ветер ластится, как пёс,
даже запахи полыни
были слаще моих слёз.
Возле дома беззаботно
скачет в играх детвора.
Всё здесь любо и вольготно
не ушел бы со двора.
Но бегу я по ступенькам
к гостю с ковшиком воды.
Говорит он мне: «Испей-ка
для начала, братец, ты».
Я ответил: «Чую силу,
чтоб весь мир перевернуть».
Он опять: «Откушай снова.

Что ты чувствуешь сейчас?» —
«На врага пойти готов я». —
«Это значит, в самый раз.
А теперь иди-ка в поле,
где травы цветут шелка,
там увидишь на приволье
вороного стригунка.
Ты его три ночи кряду
выводи на зелены
и получишь, как награду,
богатырского коня».
Пал родителям я в ноги,
помолился у лампад
и помчался по дороге
прямоезжей в Киев-град».
Помолчав, Илье ответил
Соловей-головорез:
«Много есть чудес на свете,
жизнь — чуднее всех чудес.
Развяжи, Илья, мне руки,
дай, на травке посижу,
а захочешь, на досуге
быль какую расскажу».
Поглядел Илья на небо:
«Время есть, передохнём.
Что ж, давай краюху хлеба
на двоих с тобой сжуём.
Чтобы солнце не сморило,

расскажи былину, тать,
чай, найдёшь немного силы
меж собой пять слов связать».
«Расскажу про Святогора, –
Соловей начал рассказ, –
как-то он в вечерню пору
заскучал навроде нас.
Заседлав коня, решил он
выйхать в поле погулять,
чтоб померяться с кем силой
иль побить какую рать.
Надо ж силушке излиться,
что таскать её зазря!
Ведь бороться или биться –
радость для богатыря.
Но не всякая затея
исполняется легко:
то соперник заболает,
то живёт он далеко.
«Каб сыскать земную тягу, –
размечтался Святогор, –
я бы землю, как корягу,
затащил бы на бугор.
Вдруг он видит пред собою
переметную суму,
придержал коня уздою:
«Дай её я подниму».
Тронул сумку погонялкой –
не ворохнется она,

будто тронул гору палкой
или пёрышком слона.
Захотел перстом небрежно
приподнять её – не смог,
отдыхает безмятежно
непонятный узелок.
Осерчав, рукой берётся,
на себя всей силой рвет,
но сума не подается
ни назад и ни вперёд.
Ухватил двумя руками –
всё опять без перемен,
поднапрягся, словно камень,
поднял сумку до колен.
Но и сам от тяжкой муки
до колен увяз в земле,
вместо пота кровь с натуги
проступила на челе.
Тут и помер русский витязь,
Мать-Земля к себе взяла.
Так что лучше не беритесь
за тяжёлые дела».
«До чего же врать ты скорый, –
богатырь Илья вскричал, –
я ж Егора-Святогора
сам до гроба провожал.
Вышло как-то ненароком
мне попасть к Святым горам.

Вижу, едет недалёко
неизвестный великан.

На его шеломе тучи
мирно спали в вышине,
рос на шее лес дремучий,
пашни были на спине,
по бrade струились реки,
обрываясь в водопад.

Ты таких людей вовеки
не встречал, ползучий гад.
Конь взметнулся подо мною.

Припустив его в галоп,
незнакомца булавою,
как тебя, ударил в лоб.

Я хотел его, вестимо,
булавою сбить с коня,
но силач проехал мимо —
ноль вниманья на меня.
Я копьё своё в три пуда
посылаю по врагу,
не ворохнется паскуда
и на это ни гу-гу.

От обиды чуть не плачу,
не таких ведь бил в бою.

Так неужели удачу
растерял уже свою.
Неужели всё, что было
заросло дурной травой?

И, испытывая силу,

дуб я стукнул булавой.
Дуб свалился, как покойник,
до того удар был яр.
Ты, наверное, разбойник,
представляешь мой удар?
Повернул ко мне навстречу
неизвестный здоровяк:
«Ты зачем тут копыя мечешь,
лес ломаешь, как дурак.
Коль другого нет занятия,
предлагаю уговор
жить друг с другом, словно братья,
посреди Священных гор».
Так мы с ним и побратались,
обнялись – и будь здоров.
По горам вдвоём мотались,
позабыв еду и кров.
Наблюдали, как в низины
с белых гор ручьи бегут,
как деревья-исполины
мирный бег их стерегут,
как пятнистые олени
ходят днём на водопой,
припадая на колени,
умываются водой,
как цветут весною горы,
как зимой чернеет лес, –
всё у нас со Святогором

вызывало интерес.
А однажды в дикой чаще,
в стороне от козьих троп
мы нашли с ним настоящий
в камне выдолбленный гроб.
Осмотрели, как невесту

любопытный смотрит люд.
И опять нам интересно:
для кого такой приют?
Святогор развеселился:
«Ну к, примерь его, Илья».
Я, понятно, согласился –
не перечу старшим я.
Гроб холодный, словно льдина.
Лег в него я на живот.
«Нет, братишка, домовина
эта мне не подойдет.
И размеры необъятны,
я, как в валенке блоха,
и лежать здесь неприятно,
едем лучше от греха».
Святогор опять смеётся:
«Мелковат ты, мелковат,
вылезай скорей, сдаётся
мне он будет в аккурат».
Лёг он в гроб и, правда, в пору,
словно кто по нём кроил,
захотелось Святогору,
чтобы крышку я прикрыл.
До добра игра такая
нас в тот раз не довела,
крышка к гробу, как живая
в миг единый приросла.
Я, конечно, испугался,

бил её, рубил мечом,
только гроб не открывался,
словно он и ни при чём.
А Егор в гробу молился:
«Поживей, Илья, не стой,
коль не очень утомился,
бей моею булавой».
Я схватил её за ручку,
поднял, тут же опустил.
Нет, тягать такую штучку
не хватало моих сил.
Святогор позвал: «Сквозь щели
дам тебе свою я мощь,
наклонись, тогда на деле
ты сумеешь мне помочь».
Ондохнул. В меня по порам
силы новые вошли.
Поднял меч я Святогора,
словно пёрышко, с земли.
И опять без остановки
гроб дубасил, как умел,
но ни силой, ни сноровкой
я его не одолел.
«Наклонись ещё. Остатки
сил моих тебе отдам». –
«Я и так, Егор, в порядке,
а лишка не надо нам».
«Молодец, что не послушал
ты моих последних слов,

отравил бы твою душу
я дыханьем мертвецов.
Моего коня у гроба
привяжи и уезжай.
Я надеюсь, мы с ним оба
попадём отсюда в рай».
Я уехал и дорогу
потерял в лесной глуши.
С той поры молюсь я Богу
за покой его души. –
Помолчал Илья. – Ну что же
собирайся поскорей.
Нам опаздывать не гоже
в город Киев, Соловей».

* * *

То не волк по лесу рыщет,
не орёл летит домой,
то шагает Иванище
по дороженьке лесной.
Он идёт, беды не зная,
солнцу, ветру, лесу рад,
из заморского из края
прямо в стольный Киев-град.
Знать не знает Иванище,
что пока он там ходил,
здесь поганый Идолище
с ратью Киев осадил.

И теперь к нему прохода
не видать и не слышать:
у поганого народа
без числа, без края рать.
Как увидел Иванище,
что обложен стольный град,
вёрст, наверное, пол-тыщи
он, как пёс, бежал назад.
А навстречу в это время
ехал Муромец Илья,
в сумке вёз он вражье семя –
чуть живого Соловья.
Иванище от испуга
встал, как пень, и задрожал:
то ль врага, а то ли друга
на дороге повстречал.
У Илюши голосище
может мёртвого вспугнуть:
«Как зовёшься?» – «Иванище». –
«А куда ты держишь путь?» –
«Я из дальнего из края
шёл в столицу, где мой дом,
только вижу, рать чужая
возле Киева кольцом.
И ни зверь в него, ни птица
не летят и не идут.
Нам бы тоже схорониться
лучше б было где-то тут».
А Илья: «Снимай одежду

и давай сюда наряд.
Я каликой перехожей
проберусь в столицу-град.
Сам проверю, кто же правит
в Киев-городе свой бал,
может, надо что поправить,
если дров кто наломал».
И пошёл Илья как нищий
ко Владимиру во двор,
видит, правда, Идолище
там раскинул свой шатёр.
Он гуляет, как в трактире,
водку хлещет с татарвой,
угощает их Владимир
с раскрасавицей женой.
У поганого, как бочки,
раздуваются бока,
по ведру его глоточки,
на жевок по полбыка,
руки, ноги, будто брёвна,
голова, как сена воз.
«Ты куда идешь, дерёвня? —
задаёт Илье вопрос. —
А пожаловал откуда,
по каким таким делам?»
«Я из муромских-то буду,
Карачарова села».
Идолище удивился:

«Подь сюда, садись со мной.
Говорят, там объявился
богатырь у вас хромой?
Опиши его обличье,
ростом он велик иль мал?»
«В точь как я, твоё величье», –
странник скромно отвечал.
«Ну, такую-то букашку
я смогу одной рукой.
А скажи-ка сколько бражки
выпивает ваш герой,
много ль ест или немножко?»
А Илья ему в ответ:
«Он съедает хлеба крошку,
пьёт глоточек за обед».
«Вот потеха, вот умора, –
засмеялся снова вор, –
я съедаю хлеба гору,
пива пью по сто ведёр».
А Илья спокойно снова
говорит: «Плохи дела,
у мово отца корова
тоже жоркая была.
И пила она и ела,
а однажды во хлеву,
обожравшись, околела,
разошлась, как есть, по шву.
И тебя, поганный Идол,
в точь такая участь ждет,

правда, если, кто, как гниду,
не задавит наперёд».
С места спрыгнул Идолище,
будто кто его лягнул,
и в Илью кинжал-ножище,
словно молнию, метнул.
Но Илья – мужик бедовый –
увернулся и тотчас
верной палочкой пудовой
врезал Идолу меж глаз.
Ухватив его за ноги,
как дубиной, стал махать
и без чьей-либо подмоги
перебил чужую рать.
Разгромив татар поганых,
он тайком ушёл от всех,
воротив тряпье Ивану,
обрядился в свой доспех.
«Что ж, Иван, давай обнимем
друга дружку и прощай.
Я боюсь, что князь Владимир
там меня заждался, чай».
А Владимир-князь пирует,
угощает сам гостей,
а особенно балует
он своих богатырей.
Подает вино Добрыне:
«Выпей, славный богатырь,

Ах, какой ты молодчина,
что зашёл ко мне на пир.
Что видал на белом свете,
есть ли в мире чудеса?»
Богатырь ему ответил:
«Посуди об этом сам.
Как-то раз твоим застольем
утомился я сто крат
и решил ещё раз стольный
осмотреть наш Киев-град.
Взял с собой колчан и стрелы,
богатырский крепкий лук.
Солнце плечи мои грело,
будто осенью сюртук.
Птицы весело скакали
по заборам и садам,
а на крышах ворковали
голубки то здесь, то там.
И взяла меня досада,
отчего, не знаю сам,
но стрелу я для охлады
запустил по голубям.
Не скажу, то ль поскользнулся,
то ль стрелял не с той руки,
слава Богу, промахнулся,
уцелели голубки.
Но своё дурное дело
довершила всё ж стрела,

в терем писанный влетела,
пербив все зеркала,
лампы все и всю посуду,
поломав шкафы и стол.
Говорят, обломков груды
завалили напрочь пол.
Убежал я от скандала,

как трусливый мальчуган.
Я не знал, что проживала
в доме девица из панн.

У её отца Игната
звание было – Чёрный лях,
он был очень виноватый
в разных пакостных делах.

Ну, а дочь его Полина
вся в отца пошла, видать,
на людей и на скотину
хворь умела насылать.

И меня она поймала,
на костре мой след сожгла,
ворожкой очаровала,
как царица б не смогла.

Загорелось, как лучина,
сердце дьявольским огнём.

Рано утром я к Полине
поспешил, считай, бегом.

Открываю с ходу двери,
в дом влетаю, как стрела,
и глазам своим не верю
на Полинкины дела.

Здесь Содомы и Гоморры,
черти прячутся в углах,
здесь поганой снеди горы,
бабы в шляпах и штанах.

А Полинку средь покоев,
как жену, целует змей,

заболело ретивое,
будто сжал его Кощей.
От подобного позора
я, как зверь, рассвирепел,
изрубить собрался вора,
но немного не успел.
Громко крикнула Полина:
«Не пугайся мужика,
я проклятого Добрыню
превращу сейчас в быка.
Пусть пасётся он на воле
посреди других коров,
я такой жестокой доле
обрекаю дураков».
Подружился я с быками,
принял всё без лишних слов,
траву ел, а вечерами
любовался на коров.
А в столице в это время
всё по-прежнему идет,
мать моя лишь Тимофевна
сына до дому зовет.
А Полинка на гулянках,
по застольям да в пирах
похваляется по пьянке
о своих срамных делах.
Но одна вдова честная
заступилась за меня,

билась с ней, как мы с Дунаем
бились в смерть четыре дня».

Князь Владимир удивился:
«Объясни, Добрыня-свет,
ты зачем с Дунаем бился,
если это не секрет»?

«Тут секрета – шиш не боле, –
говорит Добрыня вновь, –
раз я выйхал в чисто поле,
разогнать по жилам кровь.
Еду день, второй и третий,
только чую, еду зря:
ни врага в пути не встретил,
ни тебе богатыря.
К счастью, вижу недалёко
злат шатёр горит огнём,
подъезжаю я, высоко
буквы вышиты на нём.
Прочитал, как по бумажке:
«Кто приблизится к шатру,
тот погибнет, как букашка,
в пыль ногою изотру».
Богатырскую натуру
надо тонко понимать,
чтобы слов подобных сдуру
на шатрах не вышивать.
Расходился я от злости
на дела и мысли скор,
по земле, как будто кости,
разметал чужой шатер,
а потом, коня стреножив,
лег поспать, мол, наших знай.
Ну, а дальше пусть продолжит
эту быль мой друг Дунай».

Князь к Дунаю обернулся,
сам налил ему вина.
Разговоры не ведутся,
если чарка не полна.
Опрокинул витязь чару
в полведра в единый раз.
«Коли так, закончу старый,
но правдивый наш рассказ.
Как-то еду я с охоты,
солнце греет, как костер,
подъезжаю, вижу кто-то
изурочил мой шатер.
И бесстыдно завалился
тут же спать, совсем как пьянь,
то ль по глупости напился
он чего в такую рань,
иль была еще причина,
чтоб валяться средь травы.
На подобную скотину
мне не жалко булавы.
Размахнулся, что есть мочи,
и остался так стоять,
сонных гадов я не очень
уважаю убивать.
Растолкал его ногою:
«Защищайся, так и быть,
я тебя смертельным боем
собираюсь, парень, бить».
Началась такая свалка,

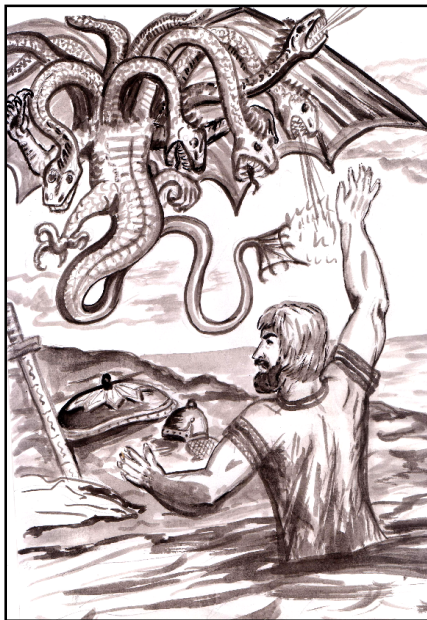
что едва хватало сил,
я его дубасил палкой,
он меня дубиной бил.
Колотили друга дружку
целый день два дурака,
так сказать, ни за понюшку,
ни за крошку табака.
Надоело в палки биться,
ухватились за мечи,
кровь пускали, как водицу,
мясо рвали, как харчи.
Озверели от азарта,
копьеца пустили в ход,
бьемся день и ночь, как в карты
от безделия народ.
А затем и рукопашный
завязали смертный бой,
распахали землю в пашню
сапогами и собой.
Мы друг другу чистим рожи,
вытираем кровь и пот,
глядь, калика перехожий
по степи сюда идет.
Подошел к нам, беспокойно
осмотрел нас, как зверей.
Говорит он: «Недостойна
битва вас богатырей.
Нет бы, выйти на заставу,

погонять в степи татар,
защитить свою державу,
где страдают мал и стар.
Иль подумать о законе,
чтобы каждому был свят,
как чудесная икона,
как стареющая мать.
Вот за что я вас ругаю,
хоть судить и не берусь,
пусть вас судит Русь святая,
ведь на то она и Русь».
Подружились после битвы
мы с Добрыней навсегда,
но укор тот, как молитву
не забуду никогда».
Зашумела тут дружина:
«Хорошо сказал Дунай,
а теперь давай, Добрыня,
про Полину продолжай».
Говорит в ответ Добрыня:
«Рассказать – не сложный труд,
я закончил, как Полине
за меня по морде бьют.
А она, сбежав с гулянья,
утопив свой стыд в вине,
прилетела на свиданье
птицей быстрою ко мне.
Пела нежно мне и ладно,
все ласкала по спине:

«Обращу тебя обратно,
если женишься на мне».
Обручились, обвенчались
мы с Полинкой под кустом.
Я считаю, что детали
не уместны за столом.
«Вот теперь ты, – говорю я, –
мне законная жена,
первым делом объясню я,
что ты делать не должна.
Не должна дружить со змеем,
шашни с нечистью водить,
но всего, жена, первее
не должна ты больше жить».
Снес ей голову, а туло
на съеденье бросил псам.
Что-то ветром, князь, подуло,
не налить ли чарки нам»?
«Я теперь скажу, – княгиня,
вдруг, вмешалась в разговор, –
мы тебе, мой друг Добрыня,
благодарны до сих пор.
Я б хотела для дружины
быль такую рассказать:
после гибели Полины
змей стал по свету летать.
Искупаться раз Добрыня
захотел в Пучай-реке,

снял доспех он свой и кинул
без присмотра на песке.
Он нырял в прозрачных водах,
рассекал их, как мечом,
любовался он природой
и не думал ни о чём.
Пролетая над долиной,
увидал проклятый змей
безоружного Добрыню
и к реке слетел скорей.
Растворил он рот поганый
шире княжеских ворот
и, как кот возле сметаны,
ожидает свой черёд.
А Добрынюшка Никитич,
не предчувствуя беды,
как могучая ракита,
вылезает из воды.
Змей, слюною истекая,
на Добрыню сделал скок
и, как мышкою играя,
опрокинул на песок.
Но, взлетев стрелы скорее,
богатырь одним броском,
словно смерч, засыпал змею
зенки подлые песком.
И, вскочив на белы груди,
закричал, как гром весной:
«Не тебе, поганой чуде,

силой меряться со мной.
Я тебе за всю Русею,
баб и девок отомщу,
как цыпленку на бок шею
в миг единый сворочу»!

Змей заплакал, как дитяти,
повинясь в неправоте,
и тогда Добрыня татя
отпустил по доброте.
А за волю и свободу
дал ему такой наказ,
чтоб на Русь святую сроду
не казал бесстыжих глаз.
Побожился змей богами,
хоть и нет их у пройдох,
и помчал под облаками,
словно заяц, со всех ног.
Все бы ладно, если б враг
улетел с добром домой.
Но, увы! Как жадный ворон
закружил он над страной.
И ни няньки, ни заставы
не видали, хоть убей,
как племянницу Забаву
утащил из сада змей.
С князем мы совет держали,
пригласив родню и знать,
но, увы, они не знали,
где Забавушку искать.
Вспоминать, и то нет мочи,
пожелать же и врагу
эту долю днем ли ночью
я, ей-богу, не смогу».
Тут заплакала княгиня,

не скрывая мокрых глаз:
«Может лучше ты, Добрыня,
сам закончишь мой рассказ»?
Встал Добрыня, поклонился
князю с честною женой:
«Я б, наверно, удавился
от досады той порой,
если б матушка родная
не сказала мне: «Сынок,
я тебя благословляю
взять с поганого должок.
Без забот и волокиты
поезжай да не робей.
Твой отец силач Никита
тоже бил когда-то змей.
Вот, возьми его платочек,
для коня – тугую плеть,
эти вещи, мой сыночек,
не дадут вам помереть».
Осмотрел я снаряженье,
сел на доброго коня,
и родимое селенье
только видело меня.
Как по небу метеоры,
мчал, не ведая дорог.
Конь леса, моря и горы
пропускал промежду ног.
Прибыл в горы Оскоринны,

где змеиная нора,
запашок идет змеиный,
как с помойного ведра.
На сто вёрст по всей округе
не растут трава и лес,
рыбы, звери и пичуги
убрались из этих мест.
Из норы поганой вылез
трёхголовый змей-дракон,
разом головы завыли
и полезли на рожон.
Началась большая драка,
бились в копыя и мечи.
Змей вертелся, как собака,
прыгал выше каланчи,
бил хвостом и рвал зубами,
нападал со всех сторон,
он царапался когтями,
как кошачий эскадрон,
изрыгал он дыма тучи,
море вони и огня.
Он совсем меня измучил
под конец седьмого дня.
Вспомнил тут я про платочек,
что мне матушка дала,
отыскал и вытер очи,
пот и пыль смахнул с чела.
и тотчас бывшие силы
вновь вошли в меня извне,

будто встал я из могилы
иль повысился в цене.
И ещё прошла неделя,
конь стал падать подо мной,
Никогда за ним доселе
не водился грех такой.
Вспомнил я про плеть отцову,
отыскал – и ну, стегать.
Конь мой тоже, будто новый,
начал по полю скакать,
стал взлетать он выше змея,
бить его исподтишка,
шибанул и я злодея,
изловчившись, свысока.
Завалился брюхом кверху
на поляне он, как пень,
чтоб вокруг его объехать,
я потратил целый день.
А потом еще неделю
на коне в норе скакал,
в закоулках еле-еле
я Забаву отыскал.
Поднял на руки девицу
и помчался без преград
в нашу славную столицу
несравненный Киев-град».
Помолчали все немного,
князь Владимир говорит:

«У меня, друзья, ей-богу,
до сих пор душа болит.
Потому еще подыдем
чаши доброго вина
за дружину, за Добрыню,
за былые времена».

* * *

Потешаются людишки,
смех по городу, как гром,
незнакомый мужичишка
лезет к князю напролом.
Ну, а в княжеских палатах,
как обычно, пир идет,
и, скорей всего, в заплатах
мужика никто не ждет.
Объяснила ему стража,
мужикам, мол, хода нет,
но дурак не слушал даже
этот дружеский совет.
Кулаком, разбив запоры,
въехал он на княжий двор:
«Я приехал не для ссоры,
а на важный разговор».
Оторвавшись от застолья,
крикнул князь, чтоб часовой
гнал старательно и больно
дурачину с глаз долой.
И дворовая дружина

мчит стремглав на этот зов,
но рукой их мужичина
отмахнул, как комаров.
Удивился князь: «Похоже,
мы полезли зря в пузырь.
Кто ты есть, скажи, коль можешь?»
«Я-то? Русский богатырь, —
говорит мужик степенно, —
жил я в муромских краях,
в Карачарове-деревне
звали все меня Илья». —
«А когда, скажи, оставил
мать с отцом своих и дом?» —
«Я заутреннюю правил
нынче в Муроме родном.
Поспешал сюда к обедне,
но чуточек опоздал».
«Не горазд я слушать бредни, —
князь с обидою сказал. —
Или ты, мужик заезжий,
не слыхал про тот секрет,
что дороги прямоезжей
нету в Киев тридцать лет.
Под Черниговом разбила
стан свой вражеская рать,
надо сорок дней, чтоб силу
эту смог ты обскакать.
У Смородины у речки,

чья вода земли черней,
на дубу, словно на печке,
сел разбойник Соловей,
потому и там прохода
по дороге нет прямой.
Для объезда и обхода
надо делать крюк большой».

В свою очередь на князя
разобиделся Илья:
«Под Черниговом-то разве
объезжал поганных я?

Подскакал я к ним и вижу,
что они там у костров
беспричинно и бесстыже
обижают мужиков.

Я мужицкие страданья
не могу не замечать,
словно стадо стал баранье
тех врагов конем топтать,
бить копьем в четыре пуда
и разить своим мечом,
стрелы слать в полет, покуда
не прошёл я на пролом.

А затем у той у речки,
чья вода черней, чем грязь,
Соловья я, как овечку,
изловил попутно, князь».
Засмеялись князь с дружиной:
«Что ж, способен до вранья,

может, хочешь, мужичина,
показать нам Соловья?» –
«На показ запрета нету,
за погляд не просим медь,
не боитесь, коль, на это
можно чудо поглазеть».
Соловья подводят чинно
ближе к князю напоказ
Князь ему: «Твою личину
видел где-то я не раз».
«У отца у Одихмана, –
отвечает Соловей, –
были только мы с Сухманом
сыновья из сыновей.
Я не думаю, что брата
город Киев позабыл.
Ты, Владимир, виноватый,
что недолго он пожил».
Князь Владимир возмутился:
«Я-то в чём здесь виноват?
Было дело, пир случился,
заскучал на нём твой брат,
Перепились тогда вои,
похвалялись, кто казной,
кто оружием, кто собою,
кто женою молодой.
Попытал я у Сухмана:
«Что же ты не ешь, не пьёшь,

или кто обидел спяну
иль пустил какую ложь,
или чару не почину
наливал прислужник мой,
иль грызёт печаль-кручина
по девице молодой?»
«Нет, – Сухмантий отвечает, –
мне обиды не к лицу,
любо всё, но я не знаю,
чем похвастать молодцу.
Может, стоит похвалиться,
что о завтрашней поре
привезу я лебедь-птицу
без кровинки на пере?»
Я, понятно, согласился,
мол, приму подарок твой.
Сухомантий помолился
и уехал, как на бой.
Помнишь-нет, в тот год болота
погорели все дотла,
а поэтому охота
никудашная была.
Потому и Сухоману
лебедь-птица не далась,
испугавшись, что обмана
не простит великий князь,
он знакомою тропиной
поскакал к Непре-реке,
чтоб унять печаль-кручину

и не мучаться в тоске.
Подошел Сухман к обрыву,
посмотрел: течёт вода
в пене, мутная, как пиво,
не такая, как всегда.
«Расскажи-ка, сделай милость, —
у реки спросил Сухман, —
что с тобою приключилось,
отчего такой изъян?»
Мать-Непра, плеснув волною,
прошептала возле ног:
«Я великою борьбою
занимаюсь, мой сынок.
К нам идёт большая сила,
покорить святую Русь,
я же путь ей преградила,
день и ночь с той силой бьюсь».
Закипела кровь Сухмана,
как в большом котле вода,
и помчал он на поганных
без раздумий, как всегда.
Вырвав с корнем дуб корявый,
и лупя, как булавой,
он налево и направо
расправлялся с татарвой.
Солнце восемь раз вставало,
всё ж управлялся Сухман,
хоть и сам в бою немало

получил тяжёлых ран.
Залепив мал-мальски раны
лепестками от цветов,
он наавтра утром рано
возвратился в Киев вновь.
Я его встречаю чинно,
задаю, шутя, вопрос:
«Ты чего же беспричинно
мне лебёдку не принёс?»
Брат твой сильно разъярился,
мне сказал укор большой,
мол, пока я пил, он бился
на Непре-реке с ордой.
Я тут тоже не сдержался,
вот за это виновать,
как пузырь в золе, взорвался,
приказал: ему – молчать,
а моим послушным слугам –
отвести его в подвал,
чтобы там он на досуге
поостыл и поскучал.
А Добрынюшке Никитцу
повелел к Непре скакать,
чтоб узнать у очевидцев
про погубленную рать.
Через день, а может, боле
воротился мой гонец,
говорит, что в чистом поле
есть начало и конец,

но погубленной там рати
нет начала, нет конца,
не бахвалился Сухмантий,
зря мы прячем молодца.
Я велел позвать героя,
чтоб вину свою признать,
чтобы милостью большою
за добро ему воздать.
Но не вышел из подвала,
разобидевшись, Сухман,
там и смерть его застала
от не вылеченных ран.
Мы с дружиной не хотели
обижать его зазря.
Ты подумай, шутка ль в деле
потерять богатыря. —
И добавил князь, — Ну, что же,
можешь силушкой своей
побахвалиться ты тоже,
Одихмантьев Соловей.
Закричи-ка два-три раза,
шип пусти-ка, как змея».
«На подобные приказы
наплевать хотел бы я.
А тебя, Владимир-княже,
со дружиною твоей
и за деньги не уважу», —
отвечает Соловей.

«Это что за разговоры? –
разозлясь, вскричал Илья, –
я ж тебя без приговора
ощиплю, как воробья.

Ну-ка, свистни, птах, в полсилы,
зашипи-ка, змей, чуть-чуть.
Да не вздумай, вражья сила,
ненароком обмануть».

Соловей вздохнул с натугой
и пустил свой полный шип.

Люди падали с испуга,
как листва с дубов и лип.

С теремов слетели наземь
зеркала и хрустали,
от подобных безобразий
утонуло всё в пыли.

Соловей набычил шею,
своему злодейству рад,
свист соловий, не жалея,
он пустил на Киев-град.

Полетели в воздух крыши,
покачнулись теремки,
много маленьких домишек
развалилось на куски.

А большие покосило,
словно русских мужиков
косит пагубная сила
возле царских кабаков.

«С дураком всегда морока, –

проворчал Илья, – хоть плачь,
мало, коль, моих уроков.
учит пусть тебя палач».

* * *

Как гласит о том преданье,
князь с княгинею своей
пригласили на гулянье
вновь своих богатырей.
Усадили их по чину,
кто знатней – в углу большом,
а заезжей мужичине
нету места за столом.
Говорит ему Владимир:
«Ты не князь и не посол,
сядь с холопьями моими
в ряд один за нижний стол».
Не слобилось это слово,
разобиделся Илья:
«Я, Владимир, не готовый
пировать средь воронья.
И своё позорить имя
не позволю, так и знай,
если хочешь, князь Владимир,
сам с холопьями гуляй».
«Отрубить башку мужлану, –
закричал в запале князь, –
что застыли, как болваны,

иль не поняли приказ?»
Подбежали два вояки,
ухватились за Илью.
«Ах вы, подлые собаки,
я ж соплём вас перебью».
Щёлкнув их слегка перстами,
словно палкой, выбил дух.
«Не замай, клянусь богами,
всем наставлю оплеух».
Тут ещё рванулись вои
выполнять дурной приказ,
кулаком, как булавою,
бил Илья им промеж глаз,
и давил их, как букашек,
и прихлопывал, как моль:
«Цыц, на место, мать вашу, —
кликнул уличную голь, —
забирайте всё, что надо,
и идём гулять в кабак.
Князь вином из винограда
угощает вас за так.
Пейте все и веселитесь,
с вами буду пить и я,
не холуй, а русский витязь
по прозвищу Илья».
Два подвыпивших соседа
попросили у Ильи:
«Ты бы что-нибудь поведал
про скитания свои.

Мы послушаем в два уха
про бытѣ богатырей,
а не то живѣм мы глухо
без особых новостей».

«Для отказа нет причины, —
говорит в ответ Илья, —
еду раз через трясину
мимо грязного ручья,
выбираюсь по тропинке
на неведомый пустырь,
вижу, словно на картинке,
камень вырос Алатырь.

Ничего ещё не зная,
подъезжаю, вот те на,
будто в Библии читаю
русским слогом письма:

«Кто отсель пойдёт налево,
тот убитым может быть,
кто направо — красну деву
будет до смерти любить.

Кто пойдёт от камня прямо,
станет, словно царь, богат».

Еду влево, по ухабам
кости русские лежат.

День прошёл, а может боле,
признаюсь, не примечал.

Я людей разбойных в поле
тысяч сорок повстречал.

Атаман, меня приметив,
закричал своим дружкам:
«Ну-ка, молодцы, приветим
подостойней мужика.
Забирай его скотину,
да давай сюда наряд,
самого – живьём в трясину,
пусть пиявки поедят».
«Коли так, – я этим гнидам
отвечал, – я вас побью
не за личную обиду,
а за Родину свою».
Я учил предельно строго:
булавой по черепам,
как махну рукой – дорога,
отмахну назад – тропа.
Так без чести и без славы
обрели бандиты смерть.
Ну, а я поехал вправо,
красну девицу смотреть.
Ехал долго, хоть и споро,
всё ж приехал, наконец.
Вижу издали, как гору,
белокаменный дворец.
Крыша золотом покрыта,
двери все из серебра.
Я – мужик, хотя и битый,
не видал столько добра.
Слуги радостно встречают,

честь, как надо, отдают,
всё Иванныч величают,
славы разные поют.
И меня ведут гурьбою,
как невесту под фатой.
Я доволен встречей тою,
как дурак самим собой.

А увидев красну деву,
приняв жаркий поцелуй,
так и замер с перегрева,
словно каменный статуи.

А вокруг уже веселье:
пляски, музыка, как гром,
подаёт хмельное зелье
девка с голым животом.
Исполняет все желанья.
кормит, как дитя, из рук,
от подобного вниманья
голова вскружилась вкруг.

Красна дева, видно, тоже
разгорается в огне,
только чувствую тревожить
что-то сердце стало мне.

Отшатнулся от девицы,
поднял кверху я глаза,
чтоб хоть в мыслях помолиться
на святые образа.

По стенам глазами шарю,
Боже, нету здесь икон.
Вмиг с меня свалились чары,
как дурной и глупый сон.

Вижу: я сижу в амбаре
на полу, как есть в пыли,
а вокруг свиные хари
и срамные кобели.

А со мною сука рядом

скалит жёлтые клыки.
Я мечом исчадь ада
изрубил, считай, в куски.
И поехал той тропею,
где меня богатство ждёт,
и, действительно, не скрою,
поимел я там доход.
Отыскал в лесу два клада
и отдал их мужикам.
Ну, зачем, скажите, надо
злато нам, богатырям?
А потом на камне ясно
написал по-русски я:
«Все дороги безопасны.
Подпись, Муромец Илья».
В это время князь ярился,
посылал Илью искать:
«Пусть мужик бы повинился,
не ему меня пугать».
И тотчас же доброхоты
принесли, как в туеске,
весть о том, что анекдоты
травит витязь в кабаке.
Князь позвал к себе Добрыню:
«Ты сходи, мой друг, в кабак
и доставь нам мужичину
по возможности без драк.
Я хотел послать Алёшу,

но уж больно он горяч
и устраивать дебоши
любит, как и тот силач,
понаварят горькой бражки,
за год мне не перепить,
про Алёшины замашки
можно много говорить.

Помнишь, нет ли, змей Тугарин
город Киев ввёл в раззор?
Я тогда от этой твари
поймел большой позор.

Отвернулись, видно, боги,
коль на всей земле своей
не нашел я для подмоги
никаких богатырей.

Вот однажды для обеда
сели мы за верхний стол,
немудрёную беседу
я с княгинею завёл.

Вдруг, заходит без доклада
незнакомый здоровяк,
отдаёт поклон, как надо.
крест кладёт не просто так.

Я его, само собою,
расспросил про мать с отцом,
про домашние устои
и о многом о другом.

Обращаюсь с ним учтиво,
приглашаю к нам за стол

на вино, на княжье пиво
и на прочий разносол.
И по чину, и по ладу
предлагаю ему сесть
насупротив или рядом,
или там, где место есть.
Он отвёл себе местечко,
хоть, видать, не дипломат,
в уголочке возле печки,
где бояре не сидят.
Тут поганый змей Тугарин
тоже в горницу вошёл,
заорал, как на пожаре,
и полез ко мне за стол.
Сел поганая скотина
между мною и женой
и с испуганной княгиней
разговор повёл срамной.
Стыдно мне и неприятно,
но не лезу в разговор,
потому как змей проклятый
на расправу больно скор.
Лишь Алёша-забияка
в полный голос говорит:
«Это что там за собака
с нашей матерью хамит?»
Подают второе блюдо –
лебедей на вертелах –

заглотил их чудо-юдо
за единый за замах,
а затем на дармовщину
ухватил большой пирог.
Я молчал, словно дубина,
а Алёшенька не смог.
«У родителя собака, –
говорит он змею вслух, –
ела много, но, однако,
испустила всё же дух.
А ещё была корова,
тоже целый день жрала,
от усердия такого,
говорят, и померла.
И тебя, как мне сдаётся,
той скотины участь ждёт,
правда, если не найдётся,
кто задавит наперёд».
Змей рванулся из застолья,
потолок, задев башкой:
«Вызываю в чисто поле
я тебя, щенок, на бой».
А Алёшенька поспешно
говорит, мол, я готов
бить тебя за безутешных
сирот киевских и вдов.
За великую княгиню
и за княжескую честь
поднести тебе гостинец

у меня желанье есть.
Помолился перед боем
у старинных образов,
из оружия взял с собою
только плётку в семь концов.
В поле былъ, как небылица:
на крылатом змей коне
над Алёшей стал кружиться,
словно коршун в вышине,
и кидать в Алёшу стрелы,
бить наотмашь булавой.
У меня душа болела,
наблюдая этот бой.
Начал я тогда молиться,
и услышал Бог меня,
повелев дождю пролиться
на крылатого коня.
И тотчас повисли крылья
у коня от мокроты
и, как какушка кобылья,
он свалился с высоты.
Подскочил Алёша к змею,
в миг один и сгоряча
плетью страшною злодея
бил, как следует с плеча.
Эта драка и поныне
ум и сердце холодит,
так что лучше уж, Добрыня,

за Ильёю ты сходи».
В кабаке в хмелю лежала
голь кабацкая вповал,
а Илья – мужик бывалый
сам с собою выпивал.
Усадил за стол Добрыню,
приказал вина подать,
говорит: «Давай отныне
друга дружку уважать,
чтобы вражьи притязанья
или княжеская власть
о великое братанье
разбивались всякий раз.
Станем во поле дозором,
пусть союз наш защитит
Русь святую от разора,
унижений и обид».
И помчали на заставы
из столичного гнезда
кто – налево, кто – направо,
кто – неведомо куда.
В это время на столицу
двинул войско Калин-царь,
чтобы золотом разжиться,
поразбойничать, как встарь,
посрамить святую веру,
храмы древние пожечь,
князя выслать на галеры,
мужиков чуть-чуть посечь,

а Апраксию-княгиню
взять наложницей в гарем,
потому как царь Калинин
заскучал без баб совсем.
Мчится, словно тур могучий,
богатырь и день, и ночь
по полям, лесам дремучим,
чтобы Киеву помочь.
Скачет с горочки на гору,
смотрит он туда-сюда,
и куда хватает взора –
всюду вражия орда.
Нет названья ей и счёта,
нет начала и конца.
«Будет жаркая работа, –
богатырь сказал в сердцах. –
Жаль, что нет со мной дружины,
нету преданных друзей:
ни Алёши, ни Добрыни,
ни других богатырей.
Хоть бы весточку какую
им послать бы, но куда?
Где они сейчас кочуют,
в лесах или городах?»
Мчит Илья, не отдыхая,
скачет он во весь опор,
вдруг, за речкой замечает
богатырский злат шатер;

придержал коня уздою.
глянул вдаль из-под руки:
чайки плачут над водою,
словно в горе старики;
волны мечутся сердито,
бьются в берег на ходу,
в точь как в землю бьёт копытом
конь, серчая на узду.
Богатырь коня за ухом
тронул плёткой слегка,
тот взлетел лебяжьим пухом
с седоком под облака.
Но уже через минуту
у шатра звенит уздой,
богатырь заходит внутрь,
видит, пир идёт горой.
Ходит чашечка по кругу,
как в Руси заведено,
подливают в неё слуги
старорусское вино.
В разговорах полупьяных
время тянется, как сон,
словно нечистью поганой
Киев-град не окружён.
Как товарища и друга,
в круг зовёт Илью Дунай,
мол, снимай шелом, кольчугу,
чашу с нами поднимай,
будем пить и веселиться,

хватит бед, мол, и побед.
«Так, ребята, не годится, –
говорит Илья в ответ, –
ведь опять пришло в Русию
горе горькое, как встарь,
осадил несчастный Киев
беспощадный Калин-царь.

Похваляется столицу
разнести он в пух и прах,
чтобы золотом разжиться.
поразбойничать в домах,
посрамить святую веру.
храмы древние пожечь,
князя, словно браконьера
иль разбойника, посечь,
а Апраксию-княгиню
взять наложницей в гарем.
Я считаю, царь Калинин
обнаглел уже совсем.
Опускайте свои чаши,
приглашаю вас с собой
за отечество за наше
на святой и честный бой».
«Не пойдём с тобой, Илюша, –
говорят богатыри, –
не тревожь ты наши души,
за отказ не укори.
А Владимир с Апраксией

пострадают пусть хоть раз
за народ да за Русию
да немножечко за нас.
Мы и так всю жизнь в походах
то пешочком, то в седле.
а едим лишь хлеб да воду,
спим, как волки, на земле.
Но зато дружина князя
сладко ест и мягко спит.
Раз она гулять гораздо
пусть за Киев и стоит».
«Что ж, – сказал Илья сердито, –
с вами кашу не сварить,
не хотите – не ходите,
буду сам поганных бить».
И пошла такая сеча,
что пером не описать,
конь с разбега начал нечисть.
как траву в степи, топтать.
А Илья, как смерть косою,
косит ворогов мечом,
поведёт вперёд рукою,
кровь за ней бежит ручьём.
Отмахнет назад и речка
устремляется вослед
и ни сбоя, ни осечки
богатырской силе нет.
Но чем дольше длится драка,
тем сильнее лютеет враг,

не отходит царь-собака
со щенками ни на шаг.
А потом и вовсе стали
заступать герою путь.
Наконец, Илья устало
отступил назад чуть-чуть.
Взял стрелу свою в полпуда,
в лук могучий заложил
и в порядке самосуда
в злат шатёр её пустил.
Долго нет, она летала,
всё же цель свою нашла,
посреди шатра упала
недалёко от стола.
И Дунай стрелу в полпуда
подаёт своим друзьям:
«Ой, ребята, чую худо,
погибает, знать, Илья.
Опускайте свои чаши
и скачите вслед за мной
за Илью, за дружбу нашу
на святой и честный бой».
То не зверь кричит от боли,
не грохочет в небе гром,
то к Илье по чисту полю
мчится помощь прямиком.
Кто мечом, а кто булавой
так насели на врага,

что татары всей оравой
приударили в бега.
А покончив дело с ратью,
повернув коней назад,
поскакали дружно братья
к князю в гости в Киев-град.
По обычью и по чину
князь их дома привечал,
приглашал служить в дружину,
милость княжью обещал.
«Что ж, — сказал Илья, — коль надо,
можно будет послужить,
только милость и награды
мне не надобно сулить».
И Добрыня согласился,
а за ним Потык Михей,
он пока ещё учился
мастерству богатырей.
Но уже был славный малый,
шёл без страха на врагов
и нередко в битве правой
оставлял их без рогов.
У Владимира заданья
есть для всех богатырей:
«Надо выходы и дани
взять с подвластных областей.
Пусть Илья в Орду Большую
начинает свой поход,
а Добрыня — в Золотую

грозной силою идёт,
а Михайло, хоть и молод, —
во Подольские края,
потому как этот город
мне не платит ни копья.
Как-то ездил в край тот дальний
со дружиной князь Вольга,
разживиться думал данью,
да не вышло ни фи́га.
Близко, нет ли, то в секрете
князь от нас держать велит,
он оратая приметил
неказистого на вид.
Тот неспешно правит дело:
борозду сохой ведёт,
да так ладно и умело,
зависть, прям-таки, берёт.
Припустил Вольга вдогонку,
день и ночь в степи скакал,
но лишь утром мужичонку
на краю земли догнал.
Поздоровался, как надо,
разговор повёл, как мог:
«Пусть тебя, ратай, наградой
наградит великий Бог,
пусть тебе пахать поможет,
даст ядрёного зерна».
«Вот, спасибо, помощь божья

мне крестьянствовать нужна.
Ну, а ты с войной иль миром,
на гулянье или брань?»

Говорит Вольга: «Владимир
приказал собрать мне дань
с городов со всех и весей,

где живёт богатый люд,
соберу я дани если,
будет слава мне за труд».
«Я на этой на неделе, –
мужичонка говорит, –
был в Подольске, так доселе
голова о том болит.
Там лишь воры да злодеи,
всяк стремится обобрать.
Я об этом разумею:
не напашешься на рать,
на разбойничьи забавы
не накопишь никогда,
не советую, Вольга, вам
ездить в эти города».
«Может, ты пойдёшь в дружину,
вместе выиграем бой?» –
Тот ответил: «Селянину
лестно рядом быть с тобой».
Выпряг он свою лошадку,
сел в черкасское седло,
видно было по ухваткам,
что мужик хитёр зело.
Лишь отъехали немного,
он Вольге и говорит,
что соха, мол, на дороге
неприбрата лежит,
пусть твои, мол, сходят вои,

приберут её куда,
нынче время воровское
не случилась бы беда.
Отзвения мечи и снова
землю стану я пахать,
а соха – всему основа:
и кормилица, и мать.
Побежали два вояки,
чтоб соху убрать с земли,
как ни мучались, однако,
сдвинуть с места не могли.
Князь над воями смеётся
и ещё подмогу шлёт,
но соха не подаётся
ни назад и ни вперёд.
Всей дружиной навалились,
кто тянуть её, кто рвать,
всё напрасно, как ни бились,
не столкнули ни на пядь.
Прочитал мужик молитву,
взял соху одной рукой
и закинул в куст раkitный
с глаз завистливых долой.
«А теперь, – Вольге оратай
говорит, – имей в виду,
что ни так и ни за плату
я с тобою не пойду.
Не к душе твоя дружина,
не бойцы, а мошкара,

с этой шайкой на чужбине
не отыщешь ты добра.
Да и я другой породы,
деревенской матки сын,
оттого меня в народе
называют селянин.
Знают все меня в Русее
не за силу, не за род,
а за то, что хлеб я сею
и кормлю честной народ».
Князь на это подивился,
погонял в затылке вшей
и обратно воротился,
не поев подольских щей.
Так что княжию науку
вспоминает пусть Потык,
там отвесить оплеуху
может и простой мужик».

* * *

Лишь на башнях засверкали
блики солнечных лучей,
как из города помчали
кони трёх богатырей.
В тот же день в Орду Большую
прибыл Муромец Илья,
дань собрал и мировую
пил с ордынцами три дня.

Через десять дней Добрыня
в Золотой Орде стоял,
без волынки и замина
дани-выходы собрал.
Чуть попозже дело княжье
также выполнил Потык,
перебил он племя вражье,
кому надо сделал втык.
Завершив свой день рабочий,
вышел к речке, побродить,
потому как был охочий
гуся-лебедя убить.
Видит, плещется в водице
лебедь белая одна.
Стал Михайло целить в птицу –
потекла вожжой слюна.
Размечтавшись об обеде,
позамешкался на миг,
говорит тут белый лебедь:
«Не стреляй меня, Потык,
удивишься ты, наверно,
но совсем не птица я,
а Мария-королевна,
дочка здешнего царя.
Забери меня с собою,
в город Киев увези,
стану я тебе женою
самой верной на Руси».
Обнял витязь подоянку,

посильней к груди прижал
и, горя как от испанки,
в Киев девицу помчал.
Ко Владимиру явился,
просит: «Князь, благослови,
я б вовеки не женился
без великой без любви.
Хочет искренне Мария
веру нашу перенять».
Князь вздохнул: «Грехи большие,
нет бы малость подождать,
чтобы не было оплошки,
не случилась, чтоб беда.
Ведь любовь, чай, не картошка
уродится хоть когда».
Но напрасно князь старался,
в помощь звал зазря друзей,
всё ж Михайло обвенчался
с королевичной своей.
Сделал заповедь большую
с ней Михайло: кто вперёд
в землю ляжет во сырую,
то есть попросту помрёт,
будет с почестью обряжен,
похоронен, а другой
сторожить его обязан
три недели под землёй.
Весть об этом уговоре

подивила местный люд,
а Михайле выпал вскоре
волей княжей новый труд.
Говорит князь: «Много даней
задолжал я Бухарю,
чтоб не лезли басурмане,
отвези-ка дань царю».
На дела и мысли скорый
мчал Михайло без дорог.
Конь леса, моря и горы
пропускал промежду ног.
И уже через неделю
был Потык у Бухаря,
поклонился еле-еле,
разобидев чем царя,
и сказал: «Везу я много
от Владимира даров,
жаль, обоз отстал в дороге
из-за всяких пустяков.
Все же, царь, готовься к встрече.
затевай скорей пиры,
утром или же под вечер
отдадим тебе дары».
Царь Бухарь развеселился,
чай велел подать с халвой:
«Может, мы пока сразимся
в шашки-шахматы с тобой?»
А Потык: «Чем бить баклуши,
лучше в шахматы игра,

ставлю на кон свою душу,
раз другого нет добра».
«Ну, а я поставлю дани», -
отвечает ему царь.
Бились долго со стараньем,
обыграл посла Бухарь.
И давай он веселиться
и плечами пожимать:
«Надо нам ещё сразиться
на жену твою и мать».
И с ухмылкою на роже
изо всех поганных сил
он хитрил, мудрил, но всё же
отыгрался Михаил.
Одурел царь от азарта:
«Ставлю в третий раз на кон
всё бухаревское царство
и бухаревский свой трон».
И опять, как ни старался,
царь продулся в пух и прах.
Говорит Потык: «Остался,
видно, царь, ты на бобах.
Потому слезай-ка с трона,
от дворца ключи давай,
раз прокаркал, как ворона,
сдуру свой родимый край».
В это время стук в ворота
раздаётся, словно гром,

сразу видно, лупит кто-то
богатырским кулаком.
Оказалось – то Добрыня
двери царские разнёс,
говорит Михайле: «Ныне
весть дурную я принёс.
Марья-лебедь королевна
всем законам вопреки
умерла вчера, наверно,
от печали и тоски».

Михаил, примчав в столицу,
приготовил гроб такой,
чтоб могли в нём поместиться
он с красавицей женой.
Уложил питья и снеди
на положенный на срок,
знает пусть Мария-лебедь,
что Потык блюдёт зарок.

Попрощался он с Добрыней,
с князем, с Муромцем Ильёй
и остался в домовине
с подолянкой под землёй.
Засветил он божьи свечи,
призадумался на миг,
вдруг, раздался издалече
непонятный шум и рык.

И неведомая сила
разнесла на щепки гроб,
змей поганый к Михаилу

скачет, словно конь в галоп.
Растворил он шире двери
огнедышащую пасть,
увидав такого зверя,
можно в обморок упасть.
Михаил – мужик не промах,
не таких, как мух, давил,
увернулся и за хобот
змея намертво схватил.
Плёткой страшной для остуды
ну, бока ему ломать:
«Кто учил тебя, паскуда,
женщин мёртвых воровать?»
Змей завыл, как волчья стая,
скис от боли и размяк:
«Расскажу я всё, что знаю,
помогу тебе за так.
Сознаюсь, беру с собою
женщин умерших домой,
там обычно их живою
оживляю я водой.
И они со мной, как с мужем,
жизнь живут помногу лет,
правда, тех, кого похуже,
я съедаю на обед.
Отпусти меня, Михайло
свет Иванович Потык,
я тебе водички тайной

притащу в единый миг.
Оживишь свою подругу,
выйдешь вновь на белый свет.
Для влюблённого супруга
предложенья лучше нет».
Удивляется столица:
под землёй и шум, и крик,
видно, жить в гробу боится
захороненный Потык.
Раскопали враз могилу,
и восстали пред толпой
Михаил в красе силе
с раскрасавицей женой.
Полилось вино рекою,
и на радости такой
князь Владимир своих воев
угощал за счёт за свой.
Каждый честный горожанин,
как в былые времена,
получил кто рупь, кто пряник,
а кто рюмочку вина.
Всё бы ладно, но покоя
не дают враги опять.
Дело ратное такое –
Русь святую охранять.
Стали вновь в степи дозором
от зари и до зари
на погибель псам и ворам,
как один, богатыри.

Как-то видят, скачет воин
во шеломе и с копьём.
Говорит Потык: «Такого
неприменно мы побьём».
Размахнулся, стукнул яро,
как гроза по деревьям,
и врага одним ударом
разрубил он пополам.
Но из каждой половины
встали новые враги.
Их ударил сам Добрыня –
только брызнули мозги.
А из новых половинок
стали воины опять,
и к обеду без заминок
собралась поганых рать.
Долго витязи рубили,
сна не ведая, врагов,
от усталости валились,
подымались, бились вновь.
Только силилась та сила,
разрасталась, шла на бой,
и защитники взмолились,
наконец, большой мольбой.
Говорит Илья Сварогу:
«Ну, какой ты бог, к чертям,
коль не видишь, что подмогу
надо русичам и нам».

Отвечает бог: «Я с вами,
вы же встаньте на пути
рати вражеской горами,
по которым не пройти
ни верхом, ни пешим ходом,
закажите навсегда
чужеземному народу
путь с оружием сюда».
И поднялись к небу скалы
богатырской чередой.
Много лет с тех пор промчалось
неустанною водой.
Но хранит в веках Русея
в цепкой памяти своей,
как оружие в музеях,
имена богатырей.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ БЫЛИННЫХ ИМЁН

Алёша Попович – русский богатырь.

Добрыня Никитич – русский богатырь.

Иванище – здесь: нищий, прохожий, странник.

Идол, Идолище – былинный завоеватель Руси.

Илья Муромец – русский богатырь.

Михаил Потык – русский богатырь.

Одихмант – здесь: отец богатырей Соловья-разбойника и Сухмана.

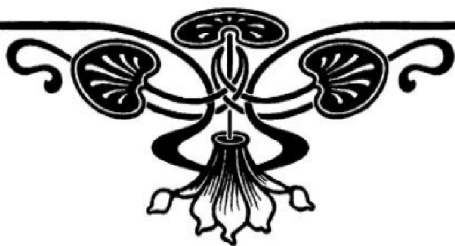
Сварог – верховный бог восточных славян.

Святогор – старейший русский богатырь.

Соловей-разбойник – богатырь, противник русских богатырей.

Сухман (Сухоман, Сухмантий) – русский богатырь.

Тугарин – злой богатырь в русских былинах.

ИВАН - ДУРАК

ИВАН-ДУРАК

Жил-был в деревне мужик,
не молод уже, но ещё не старик,
не беден и не богат,
два раза вдов да два раза женат.
Работы он не страшился,
но и полежать на печи не ленился.
Есть любил щи да кашу,
а запивать молоком и простоквашей.
Между делами мужик тот Есей
вырастил трёх сыновей.
Старшего сына звали Василий,
не было ему равных по силе,
мог оглобли ломать на спине.
Такие люди всегда в цене.
У среднего имя Никита,
мужик он был башковитый,
за что ни возьмётся, доведёт до конца,
ни разу не посрамил отца.
Младший сын, как всегда, Ванюша:
дурак – солёные уши,
дни и ночи сидел на печи

да плевал, как верблюд, на кирпичи;
в носу ковырял, сморкался в подстилку,
вшей гонял пятернёй по затылку.

А больше дремал в уголочке,
словно курица на шесточке,
и ведать ничего не ведал,
правда, по три раза на дню обедал,
зимой пил сбитень, летом – квас
за час по несколько раз.

Как-то однажды собрал Ессей
всех своих сыновей.

«Ну, – говорит им, – гуляньям конец,
надо и вам завивать свой венец.

Я, как отец, вам желаю удачи,
а в девках и бабах нет недостатчи».

Первым решил жениться Василий
на какой-нибудь бабёнке или,
если повезёт, на девице,
чтоб подольше можно было любиться.

Собрал свои вещи, сел на коня,
и только видела его родня.

Вскорости в соседней деревне
стал на постой к старушенции древней,
а у неё была работающая дочка.

На ней он и женился через полгодочка.
За старшим братом собрался Никитка,
сложил в телегу свои пожитки,
махнул отцу на прощанье рукой

и был таковой.

Доехал он до богатого села,
где одна молодая вдовица жила,
приглянулся ей Никита лицом да умом,
вот и взяла молодца к себе в дом.

Стали вместе хозяйство вести
и детей, словно подсолнухи, растить.
Времени прошло совсем немного,
стал и Иван собираться в дорогу.

Надо решать отцову задачу,
смотришь, и подвернётся удача.
Стал искать, что взять с собой,
не идти же с пустой сумой.

Пошарил по углам – ничего нету,
махнул рукой и ушёл раздетый.

Так и топтал он землю,
считай, что до самой столицы
и царского дворца.

Стал возле крашенного крыльца
и дивится на дивное диво:
до того здесь всё вымыто и красиво,
что даже на улице половики
из заморской пеньки,
а у дверей стоит стража,
чтобы не допускать никакой покражи,
а также, чтобы народ
не лазил не в свой огород
да не делал царю докуки,
не отвлекал его от царской скуки.

Только на крыльцо поднялся Иван,
как страж застучал в барабан,
другой – задудел в трубу,
остальные открыли стрельбу
и подняли такой переполох,
что царь с перепугу чуть не подох.
Выбежал он на крыльцо,
глянул на Иваново лицо,
и сразу же в обморок бряк.
До того ему страшным показался дурак.
Ох, и наделал царь канители,
мамки и няньки к нему подлетели,
стали махать на него, воду лить,
в чувство болезного приводить.
Слуги с расстройства завыли, как псы,
после укуса осы,
стража суетится возле царя,
громче всех остальных оря.
Иван подошёл к царю тоже,
плюнул три раза в царскую рожу
и пошёл сам себе в палаты
будто ни в чём не виноватый.
Понравилось ему тут,
хорошо, видно, люди живут,
приоткрыл все двери,
всё посмотрел, всё примерил.
Есть чему подивиться.
Вдруг, видит, идёт какая-то девица,

вся наряженная да завитая,
золотом и серебром сверкает,
а чистая просто жуть,
не прищурившись, боязно и взглянуть.
«Эй, ты кто такая? – Иван ей, –
боярыня или царских кровей?»
А она, как увидела Ивана,
замерла наподобие истукана,
лишь глазищи свои вспучила
на него, как на чучело.
А затем, закричав благим матом,
приказала гнать его вон ухватом.
Набежали тут слуги, пришёл царь,
«А ну, – говорит Иван, – попробуй, ударь,
не затем я сюда добирался,
чтобы каждый ко мне вязался,
не такой уж я и слабак,
кулаками махать тоже мастак.
Но пришёл я сюда не биться,
а на дочке твоей, царь, жениться.
Братья мои сыскали уже себе пары,
живут хорошо, почти как бары,
сладко пьют, вкусно едят,
хозяйство ведут да растят ребят.
Мне бы тоже нужна хозяйка,
так что, царь, свою дочь отдавай-ка».
Тут началась потеха.
Царь чуть не лопнул со смеха,
слуги ржали, как кони,

даже святые смеялись на иконе.
Дочка царская аж заикала,
слушая такого нахала,
наконец, слёзы вытря платком,
обозвала Ивана круглым дураком,
мол, что с идиота возъмёшь,
пользы с него ни на грош,
но и вреда ни на полушку,
надобно гнать его просто в горбушку.

Но Иван-дурак снова царю:
«Я тебе, батюшка, всерьез говорю,
что пришёл твою дочку сватать,
так что нечего товар от меня прятать».

Тут уж царю не до смеха.
«Ладно, — говорит, — кончилась потеха,
царских дочерей, дурак,
не отдают за просто так.

Вот послужишь годик-второй,
там и разговор будет другой».
Так и стал работать Иван на царя,
утром поднимался ни свет ни заря,
съедал три тарелки щей
и выгонял на пастбище гусей.

Там заваливался на бок
и досыпал ещё сколько мог.
Вечером пригонял скотину
и снова валился на боковину.
Правда, после обеда ходил в палаты,

чтоб за себя царевну сватать.
И этим так царю надоел,
что тот уже не пил и не ел,
думал всё, как изжить дурака
не за понюх табака.
Не скажу, кто ему помог,
но придумал он всё-таки один подвох.
Вызвал Ивана к себе на ковёр.
«Ну, – говорит, – ты, вижу, хитёр,
значит, сумеешь царю помочь.
Просит давно моя дочь,
в подарок жар-птицу,
надо будет тебе потрудиться,
выловить это чудо к утру
и доставить прямиком ко двору.
Да не шатайся нигде без дела,
а то голову отделию от тела».
Дураку хоть какой приказ,
руку под козырёк и пошёл тотчас,
как иноходец, на сеновал,
где чуть ли не до рассвета проспал,
ворочаясь с бока на бок,
а утром сено поджёл
и побежал в царские покои,
рассказать про горе такое.
«Царь, поймал я жар-птицу,
чтоб ты не вздумал гневиться,
принёс к тебе на сеновал,
а он возьми от этого и запылал.

Тут и дураку ясно, от жара,
жди непременно пожара.
Но ты, царь, не поддавайся кручине,
притащу я другую ныне
прямо к тебе во дворец».
Закричал на Ивана царь-отец,
замахал на него руками:
«Не надо, мы птичку поймаем сами,
а то из-за этой птицы-жар
ты во дворце устроишь пожар.
Лучше уж поди, непутёвое чадо,
принеси яблоко из молодильного сада,
а то видишь, я стар и сед,
надобно поубавить немного лет».
Иван ни слова ему поперёк,
вскинул руку под козырёк
и пошёл исполнять задание
с полным на то пониманием.
До ночи он проспал, как сурок,
а там переловил царских кур в мешок
и отнёс их знакомой старушке.
Ей и достались несущки.
Взамен же взял маленьких цыплят.
Утром пошёл к царю на доклад.
Говорит ему: «Вышла оплошка,
я яблоко твоё, положил на окошко,
а оно возьми и покатись,
раскололось на кусочки – вдрызг.

Тут твои куры налетели,
склевали его и помолодели.
На моих глазах превратились в цыплят,
бегают теперь под окном и пищат.
Ты не горюй, я ж нынче из сада
принесу таких яблок сколько надо
для твоего молодильного меню.
На конюшне их до утра схороню».
Царь захохотал: «Ванька, не смей,
загубишь, дурак, всех лошадей,
наведёшь на двор новую беду.
Яблоки я и без тебя найду.
Ты же сыщи волшебную дубину,
что врагам сама охаживает спины,
как принесёшь её до дому,
станем разговаривать с тобой по-другому».
Выломал Иван в лесу дубину,
перебил ей всю царскую скотину,
утром пришёл во дворец.
Говорит: «Берегись, царь-отец,
принёс я такую палку,
что и в огне сжечь не жалко,
удержать её – нету силы,
всю скотину твою перебила
и скоро прилетит сюда,
поколотит нас всех тогда.
Если не хочешь, царь, помирать,
прячься в сундук или же под кровать.
А я попробую её изловить,

поломать а, может, и порубить».
Царь с испугу на всё согласился,
сразу же в сундуке схоронился
и просидел в нём весь день,
пока Иван палкой колотил пень.
Так вот в радостях и невзгодах
пролетело почти два года.
Слышит Иван, что царь-отец
дочку хочет отдать под венец.
Ищет он для неё молодца
красивого и мудреца,
чтоб мог управлять не только женой,
но всем народом и всей страной.
Для этого надо пройти испытанье,
здать царевне три заданья,
и если на них не найдётся ответ,
то будет свадебный пир на весь свет.
А если она отгадает загадки,
то ждёт загадчика конец не сладкий:
смерть на дыбе или тюрьма,
в лучшем случае позор и сума.
А надо сказать, что на все загадки
были у царевны в книжке отгадки,
поэтому женихам чуть не год
давала она от ворот поворот.
Наконец, настала очередь Ивана,
царь, хлебнув вина полстакана,
сказал: «Уж теперь дураку

непрерывно снесу башку».
А в зале, где идёт состязанье,
собралось целое собрание:
царские бояре да дворяне
наслышаны уже об Иване,
хотят посмотреть да посмеяться,
над дураком поиздеваться.
А тот, почесав затылок,
начал говорить без запинок:
«Шёл я как-то и вижу с утра
по добру ходит много добра,
взял я зло, побежал бегом,
и зло это тоже стало добром».
Стала царевна искать отгадку
на эту загадку,
до ночи искала, не нашла,
ночью к Ивану пошла,
стала торговать у него ответ,
а тот упёрся, мол, нет и нет,
не надо ни золото, ни серебро, ни медь,
хочу тебя женою иметь.
Но царевна не отступала,
всё, что хочешь, ему предлагала.
Наконец он махнул рукой:
«Раз не хочешь быть моею женой,
то подними свой наряд,
хочу поглядеть на невестин зад».
Как царевна не билась, не юлила,
но всё-таки себя оголила.

А Иван, обмакнув, в сажу свой перст,
нарисовал ей на коже крест.
Назавтра с утра собрание
услышало ответ на задание.
Мол, первое добро – это поле,
второе – коровы, пасущиеся на воле,
а третье добро, когда хворостиной,
угоняют с царского поля скотину.
Радуетя царь, хвастает дочкой,
а Иван тут как тут с другой заморочкой.
«Иду я как-то и вижу зло,
которое по земле ползло,
я подошёл к нему с новым злом,
и сразу же зло обернулось добром».
И вновь царевна на эту загадку
не отыскала отгадку,
и снова с бесстыжею рожей
пришлось ей задирать одежду.
Зато утром она перед залом
правильный ответ сказала,
мол, первое зло – это змея,
второе – дубинка моя,
а когда я змею ей отделал,
значит, добро людям сделал.
И снова дочку хвалит папаша,
знай, мол, дурак, наших,
ещё разок промахнёшься
и горя не оберёшься.

А тот, улыбку в губах пряча,
задаёт последнюю задачу,
говорит всему залу:
«Что бы это вот означало?
Есть два сугроба под полотном,
каждый помечен чёрным крестом,
что ни крест, то плата
вместо серебра и злата».
Испугалась царица, что её секрет
завтра может узнать весь свет,
и сказала, чуть не плача,
что не может решить такую задачу,
и что согласна идти за мужика
даже за Ивана за дурака.
Царя чуть-чуть не хватил Кондратий,
он и не помышлял о таком зяте,
мало того, что из батраков,
так ещё и дурак из дураков.
Что тут началось! Обмороки, паденья,
крики, слёзы, другие представленья,
всё это тянулось целую неделю,
а когда успокоились еле-еле,
глянули, а Ивана-то нет,
простыл его даже и след.
С той поры царская дочка
живёт во дворце одиночкой,
зовут её мужиковой невестой,
но это вряд ли кому интересно.

ЛЕСНАЯ ФЕЕРИЯ

Там, где быть живут и небыль,
где земля целует небо,
где гуляют, словно волки,
тёмной ночью чудеса,
где луна навстречу Богу
по воде тропит дорогу,
там, как выстрел из двустволки,
лес взметнулся в небеса.

Там деревья-исполины
смотрят гордо на долины,
и на зависть всему свету
воду пьют из облаков.
На своих верхушках ели
их качают, как в качелях,
облака за игры эти
шьют им шубы из снегов.

Там, на солнечных полянах,
иван-чай растёт духмяный,

созывая на добычу
до нектара падких пчёл.
И летят стремглав сестрицы,
чтобы мёдом поживиться,
благо, есть для них приличный
под скатёркой красной стол.

В те леса, как завсегдатай,
ходит издавна сохатый,
чтоб понежиться на воле,
посмотреть цветные сны:
вот бежит он тихо-тихо
по траве густой с лосихой,
а у леса на приволье,
как деревья, их сыны.

А весной обычно птицы
прилетают здесь гнездиться,
на ветвях в пушистых кронах
строят чудо-терема,
веселятся без предела
и сражаются умело,
когда жадные вороны
лезут нагло в их дома.

По озёрам в белой дымке
собираются кувшинки,
полногрудые подружки
затевают перепляс.

Друг за другом по порядку
по волне идут вприсядку,
даже древние старушки
показать желают класс.

Приплыла развеять скуку
из глубин холодных щука,
отложив дела и ужин
из-за пляшущих цветов,
посмотрев, сказала: «Рыбы,
мы, наверное, смогли бы
станцевать фокстрот не хуже
под мелодию ветров».

Прошипели тихо утки:
«С этой барышнею шутики
даже истинным злодеям
не советуем шутить. –
Громко крикнули утятам –
Собирайтесь в круг, ребята,
из воды нам поскорее
надо ноги уносить!»

Возле озера на зорьке
мошкара ведёт разборки,
налетая друг на друга,
словно тучи пред грозой.
Комары и комарихи
закрутили в небо вихорь,

и стоит по всей округе
комариных песен зной.

Рядом с заводью русалки
по ночам играют в салки
или, сидя на полянах,
пьют волшебное вино,
терпеливо ждут прохожих,
чтобы тех, кто попригожей,
как в кабак смертельно пьяных,
заманить к себе на дно.

С ними сёстры-лихорадки
учиняют беспорядки,
по всему летая свету,
словно карлик Черномор.
Беззащитному народу
не дают они проходу,
рассыпая, как конфеты,
немочь чёрную и мор.

На траве пасутся зайцы –
надо силой запастись,
ведь зима, поди, не спросит,
ел ты летом или нет.
Лишь весёлые зайчишки
затевают кошки-мышки,
их не очень-то заботит
диетический обед.

А медведь горбатит спину
на плантациях малины.
Он сегодня, как на даче,
собирает урожай.
«Хорошо бы за погоду
раздобыть немного мёду, –
говорит он, – а иначе,
хоть ложись и помирай».

Журавли гуляют в паре,
словно страусы в Сахаре,
говорят о чём-то тихо,
как положено в семье.
Может, вспомнили о детях,
что живут, как в поле ветер,
иль о том, что журавлихе
надо валенки к зиме.

Волк таёжным переулком
вышел утром на прогулку,
словно кто на именины
на барана пригласил.
Нос задрал он свой, но брюхо
пело песни с голодухи,
он пытался есть малину,
да зверей лишь рассмешил.

В чаще сладко спит лисица –
камуфляжа мастерица.

Чтобы мухи не мешали,
нос укутала хвостом.
Рядом глупые лисятки
меж собой играли в прятки
и случайно заплутали
за раскидистым кустом.

Их вороны доглядели,
на поживу налетели,
не боятся, видно, Бога,
обижая малышей.
К счастью, мать, почуяв горе,
за кустом нашла их вскоре
и, рванувшись на подмогу,
прогнала воров взащей.

В той же чаще и маслята,
в маскхалатах, как солдаты,
чтобы славу приумножить,
дать врагу решили бой:
взяв хвоинки, как винтовки,
встали вокруг наизготовку.
«Хоть умрём, – сказали, – всё же
мы отсюда ни ногой».

Муравьи своей артелью
строят дом под старой елью,
до дождя им непременно
надо крышу навести.

По последнему прогнозу
на неделе будут грозы,
значит, следует военный
распорядок завести.

Но строителям на горе
туча вышла из-за моря,
как на русские пределы
поздней осенью зима.
Не предсказанная туча
дождь просыпала колючий,
и разит он, точно стрелы,
муравьиные дома.

А однажды на пригорке
возвели свои каморки
эльфы – крошечный и нежный
чужеземный нам народ.
Ни забот, ни зла не зная,
по цветам они порхают,
веселятся безмятежно
и влюбляются весь год.

Для гуляний и парадов
эльфы шьют себе наряды,
у царицы были платья
из цветочных лепестков.
В них она, как пух, летала
по балам и карнавалам,

а за ней друзья и братья,
будто стая мотыльков.

В красных шапочках и бантах,
сна не зная, музыканты
на своих хрустальных скрипках
вытворяют чудеса.
От мелодии светлея,
день становится длиннее,
как сирень, цветут улыбки
и чаруют голоса.

Эту музыку и пенье,
замирая от волненья,
чутко слушает природа:
лес, озёра и поля.
Удивительная сила
души чем-то их томила,
становились чище воды
и сильней цвела земля.

Каждый день слетались птицы,
чтоб на эльфов подивиться.
Как-то старая синичка
пропищала: «Красота!»
А хохлатки-свиристы
ей нарочно подсвистели:
«Да они совсем как птички,
только нет у них хвоста».

Приходили волк с медведем
поглядеть своих соседей.
«Этих эльфов, – волк заметил, –
грех, конечно, обижать.
Ну, скажи-ка, братец Миша,
ты хоть раз такое слышал?»
«Нет, – медведь ему ответил, –
где ж такое услыхать».

Справив в доме новоселье,
муравьи своей артелью,
сговорившись как-то с роем
любопытных серых пчёл,
поспешили, чтоб воочью
посмотреть на эльфов ночью,
кто летел сюда, кто строем
по земле неспешно шёл.

На полночном карнавале
эльфы с ними танцевали,
пили вместе на банкете
незабудковый ликёр.
Чтоб и впредь не расставаться
сговорились побрататься,
и разнёс по лесу ветер
весть про этот уговор.

Люди эльфам не мешали.
В тех лесах они бывали

чаще просто мимоходом
или вовсе никогда,
потому, как на край света
нужно ехать на каретах,
а простому пешеходу
нелегко дойти сюда.

Только русские крестьяне
не боялись расстояний,
уходили на покосы
даже в этот дикий край.
Здесь стога росли в низинах,
словно, буйная малина,
да бывал ещё на росы
небывалый урожай.

И сегодня на поляне
появились вновь селяне.
Паренёк с отцом и братом
пришагали в край земли.
Мужики взялись за косы,
повели вперёд прокосы,
от восхода до заката,
знай, руками шевели.

Взмах налево, взмах направо,
и в ряды ложатся травы,
как уставшие солдаты
на полуденный привал.

Завалился кверху брюхом
коровяк медвежье ухо,
ну, ни дать, ни взять пузатый
в эполетах генерал.

С красным крестиком гвоздичка —
полевая медсестричка
поддержать хотела друга,
да упала под косой.
В сенокосной круговерти
нелегко уйти от смерти,
даже если друг за друга
травы вздыбятся горой.

Зверобой, девясила
тоже головы сложили,
с ними белые ромашки
и цветные клевера.
Мужики покосу рады:
«Будет сено, как награда
за солёные рубашки
и больные вечера.

А зимой в хлеву корова,
может, вспомнит добрым словом
и хозяина, и травы
за питательный обед.
Эй, сыны, берите косы,
нам ещё вести покосы,

а для отдыха и славы
никакой причины нет».

От безделия жирея,
на прокосах дремлют змеи.
Их ничуть не беспокоят
повседневные дела.
Им живётся здесь не худо,
есть лягушки по полпуда,
а сегодня на жаркое
жаба сдуру приползла.

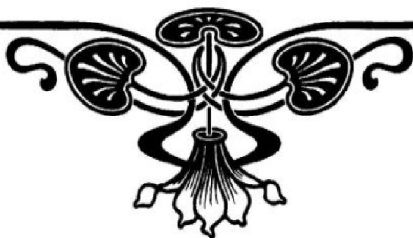
Но пока решали змеи,
как схватить её ловчее,
сбоку цапля подкатила,
клюв железный наострив,
ухватила она жабу,
словно Змей Горыныч бабу,
и проворно проглотила,
разрешенья не спросив.

Где кудрявится орешник,
сны дневные смотрит леший,
потому как ночью надо
охранять покой зверей.
Хлопотливое занятие –
сторожить лесную братью,
это вам не просто стадо
из коров и лошадей.

Не успеешь оглянуться,
как сороки подерутся,
или чуть ли не до смерти
напугает всех сова.
Надо, чтобы все зверушки
уважали бы друг дружку,
и чтоб каждая на месте
оставалась голова.

До утра он весь в заботах
на полянах и в болотах.
Но как только солнце нежно
лес потрогает рукой,
и цветы навстречу свету
раскрывать начнут секреты,
он в орешник безмятежно
вновь уходит на покой.

Но спешат почистить перья
птицы ранние, а звери
умываются росой
в травах, словно невзначай.
И идёт с утра потеха,
что трясётся лес от смеха,
и качает головою
беззаботно иван-чай.

ОДОЛЕНЬ ТРАВА

Женечке – дорогой дочери

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА

* * *

*ОДОЛЕНЬ – приворотная
трава, зелье ворожейное.
В.Даль.*

* * *

*Где дремучие леса
подпирают небеса,
где они из года в год
смотрят в зеркало болот,
там, как в сказке чудеса,
одолень-трава растёт.*

* * *

То ли давеча иль ныне
в старой сказке иль былине,
на чужбине иль у нас
начинался тот рассказ.
Начинался он не скоро,
как обычно, с разговора
от безделья иль спьяна
после рюмочки вина.
Было время, жили люди
без разбойников и судей,
без секретов и затей,
без придирчивых властей.
Всякий малость копошился,
топорами мастерился,
скот водил, растил хлеба,
деньги прятал в короба,
под одним ходили Богом
и здоровый и убогий,
впрочем, как и весь народ.
Правил всеми царь Кокот.
Царь для нашего народа,
словно пень или колода:
хоть сидел бы, хоть лежал,
лишь бы ехать не мешал.
А ещё для пересудов
нужен царь простому люду,
любит сплетничать народ:

жив-здоров ли царь Кокот,
шлют ли нет ему гостинцы
иноземцы с заграницы,
как с ним ладят доктора,
виноделы, кучера,
брадобреи и стряпухи.
Ведь не зря гуляют слухи,
что тиранил он жену
за малейшую вину.
И несчастная царица
убежала за границу
с иноземным женихом.
Впрочем, сказка не о том.
Как-то, маясь от безделья
и страдая от похмелья,
в первый раз за сорок лет
царь решил созвать совет;
пригласил в свои палаты
самых умных депутатов,
сто министров, воевод,
генералов всех пород,
звездочётов, чародеев,
собутыльников, евреев,
мамок, нянек, двух шутов;
двери запер на засов.
Просморкавшись в свой платочек,
он сказал без проволочек:
«Дело есть одно до вас

и не просьба, а приказ.
Что-то скучно в царстве стало,
вроде мясо есть и сало,
щи наваристы, а вот –
дело в голову нейдёт.
Хорошо б исправить это,
надо дельного совета».
Первым начал генерал:
«Царь-отец, твой час настал,
дай приказ и за границу
мы пойдём, чтобы сразиться
с неприятелем твоим,
всех под корень истребим.
Покомандуешь сраженьем –
вот тебе и развлечение».
«Нет, – сказал Кокот, – нельзя,
все цари – мои друзья,
с ними я решаю споры
за столом переговоров».
Слово просит чародей:
«Есть дела интересней,
на коврах на самолётах
приглашаю на охоту,
пострелять по кабанам –
это любо будет вам».
«Что за напасть за такая, –
царь Кокот сказал, зевая, –
то вам пушки, то пицаль,
аль меня совсем не жаль?»

Предложили депутаты
бочку пива в три обхвата,
собутельники – вина,
чтоб напиться допьяна.
Замахал Кокот руками:
«Что вы, что вы, пейте сами,
то не отдых, а запой,
я и так еле живой».
«Есть приличная идея, –
говорят царю евреи, –
мы откроем казино,
как везде заведено,
можешь с помощью картишек
обирать своих людишек».
«У меня, – сказал Кокот, –
и казны невпроворот.
Я без вашинской затеи
с каждым часом богатею,
так что нечего мудрить,
по старинке будем жить».
Предложили воеводы:
«Может, съездите на воды?»
«Нет, – Кокот им, – я здоров,
рано мне до докторов».
Няньки что-то говорили,
мамки батюшку просили,
звездочёты что-то чли,
глядя на небо с земли.

Но холопские заботы
не затронули Кокота.
Тут вступили два шута:
«Всё, царь, в мире – суета.
Войны, игры да забавы
хуже всяческой отравы,
лучше, царь Кокот, женись,
веселее станет жизнь.
Не сочти за труд, послушай,
мы в свои слышали уши
весть о том, что где-то есть
за границей нашей весь.
В этой веси за границей
проживает царь-девица,
все считают, что она
слаще мёда и вина,
и не просто что бабёнка,
а девица без ребёнка.
Так что шли туда сватов,
наш совет тебе таков».

Царь Кокот взволнован вестью,
заходил, как волк, на месте,
побежал бы, может быть,
но уже не волчья прыть.
Говорится сказка скоро,
да дела идут не споро,
всё же к лету, наконец,
спохватился царь-отец:
«Что за песня без баяна,

что за сказка без Ивана,
нужен срочно мне дурак,
пусть послужит за пятак».

Отыскали дурня слуги,
как не странно, без натуги
и доставили во двор.

Царь повёл с ним разговор:
«Послужить царю немного
надо, Ваня, в путь-дорогу
собирайся и айда,
нам неведомо куда.

Говорят, что за границей
проживает царь-девица,
привезёшь её – отец
даст за это леденец.

Не захочешь, оплеуху
дам своей рукою в ухо».

Говорит царю дурак:
«Прогуляюсь, коли так».

* * *

Ваня скоренько собрался,
лапти снял, подпоясался,
взял с собой лепёшку в путь
и пошёл куда-нибудь.

Хорошо гулять по свету,
коль в душе заботы нету,
но Ивана в этот час
сна лишил царёв приказ.

Чтобы не было скандала,
шёл и шёл он без привала,
раз дурная голова,
может, год, а может, два;
шёл до той поры, покуда
не увидел в поле чудо:
беломраморный дворец –
дорогих камней ларец.
Весь сверкает он и пышет,
облака, как снег на крыше,
сад вокруг, как дикий лес,
полон всяческих чудес.
На траве у частокола
люди мужеского пола,
может, сто или пятьсот
(жаль, Иван не знает счёт)
вечным сном, видать, уснули
то ль от сабли, то ль от пули,
или, может быть, любовь
била в глаз им, а не в бровь.
Ваня, этого не зная,
видит, дева молодая
из дворца идёт. Она
слаще мёда и вина,
а глаза, как лук стреляя,
жизни молодцев лишают.
Но Иван не чех, не лях
удержался на ногах.
Говорит она: «Хороший,

видно, витязь ты, поплоше
вянут, как в мороз цветы,
от девичьей красоты
и ложатся у ограды,
помирая без награды».
Ей Иван в ответ: «Я тож,
может, помер бы, как вошь,
только тут другое дело
пахнет дракой иль расстрелом,
потому, как я царю
слово дал, что к октябрю
привезу тебя в столицу.
Он надумал, вишь, жениться.
Собирайся, царь Кокот,
коли жив, наверно, ждёт.
Ты хоть царь, но все ж девица,
так что надо подчиниться».
Та неясно, что почём
согласилась с ним во всём.
А затем взяла платочек,
завязала в узелочек
свой дворец. Его Иван
сунул радостно в карман
и пустились наугад
в путь, куда глаза глядят.

* * *

Рано утром царь проснулся,
словно кот со сна, прогнулся,
посмотрел в окно отец
и расстроился вконец.
За окошком ниоткуда
появилось за ночь чудо:
беломраморный дворец –
дорогих камней лагерь.
Весь сверкает он и пышет,
облака, как снег, на крыше,
сад вокруг, как дикий лес,
полон всяческих чудес.

На траве у частокола
люди мужеского пола,
может, сто или пятьсот.
Взбеленился царь Кокот:
«Кто без ведома и спроса
у меня под самым носом
за ночь выстроил дворец –
новый русский иль купец,
мафиози, казнокрады?
Доложить, а то награду
прилеплю под самый глаз.

Все усвоили приказ?»
В тот же час, как на экране,
появился дурень Ваня.
Говорит он, поклонясь:
«Царь, скорее с трона слась.

Девку я нашёл, что надо,
притащил к тебе в ограду
вместе с садом и дворцом,
будь ей мужем и отцом».
Царь Кокот от изумленья
принял мудрое решение:
«Как обещано, дурак
пусть получит свой пятак,
а ещё налить Ивану
царской браги полстакана,
на закуску выдать щей
из солёных овощей.
А ко мне зовите сваху
да приличную рубаху
отыщите, коль не лень,
чай, женюсь не каждый день».
Причесался он немного
и пошёл через дорогу
вместе с свахой, сам не свой,
в гости к девке молодой.
На крыльцо, царя встречая,
вышла дева молодая,
отдаёт ему поклон
и берёт его в полон
красотой неизречённой.
«Будь моею наречённой», —
шепелявит царь Кокот,
деву за руку берёт.

Говорит ему девица:
«Если хочешь, царь, жениться,
то послушайся меня
и не мешкай, царь, ни дня.
Дам тебе я три заданья,
их запомни со вниманьем.
Как исполнишь, мы с тобой
станем мужем и женой.
А на нет и спросу нету,
мало ли царей по свету,
нынче здесь я, завтра там».
Царь ответил: «По рукам,
всё исполню со стараньем».
А девица: «Вот заданья.
Поначалу надо нам
яблок спелых килограмм,
молодильных, чародейных,
что в теплицах берендейных
созревают раз в сто лет.
Их доставь нам на обед.
Вот задание второе:
где-то чудо есть такое,
прозывают кот Баюн.
Он затейник и шалун,
всё, что делается в мире,
он, как радио в квартире,
чётко знает наперёд.
Песни этот кот поёт,
пляшет весело вприсядку,

знает песни и загадки,
принеси скорей кота,
без него здесь скучота.
И еще хочу я чудо –
золочёную посуду,
чтоб питья в ней и еды,
словно на море воды,
ни на самую на малость
никогда не убавлялось.
А покамест, царь Кокот,
от ворот вам поворот».

* * *

Говорится сказка скоро,
да дела идут неспоро.
День и ночь листает царь
чужеземный календарь,
но и в импортном талмуде
нет ни слова о посуде,
ни намека на кота,
лишь разврат да срамота.
И о яблоках чудесных
ничего в нём не известно,
ни одной заметки нет,
не дают царю ответ
ни старинные журналы,
ни цыганка, что гадала
на бубнового туза –

выпадает всё буза.
Как-то сдури или спьяну
спохватился он Ивана:
«Где скрывается дурак?
Растуды его и так!»
Отыскиали дурня слуги,
как ни странно, без натуги,
привели на царский двор.
Царь повёл с ним разговор:
«Послужи царю немного,
собирайся в путь-дорогу.
Для начала надо нам
яблок спелых килограмм,
молодильных, чародейных,
что в теплицах берендейных
созревают раз в сто лет,
нам доставь их на обед.
Вот задание второе:
где-то чудо есть такое,
прозывают кот Баюн.
Он затейник и шалун,
пляшет весело вприсядку,
знает песни и загадки,
принеси сюда кота
без него нам скукота.
И ещё мне надо чудо –
золочёную посуду,
чтоб в ней царская еда
не кончалась никогда.

Принесёшь всё это в среду
не позднее, чем к обеду,
коль успеешь, твой отец
даст за это леденец.
Да и я, быть может, браги
плескану тебе из фляги
и pošлю тарелку щей
из солёных овощей.
Не успеешь, будет худо,
бить тебя прилюдно буду».
Говорит в ответ дурак:
«Прогуляюсь, коли так».

* * *

Ваня снова в путь собрался,
лапти снял, подпоясался
и пошёл, как и всегда,
сам не ведая куда.
Не спеша, но со сноровкой
прошагал без остановки
в скором времени Иван
сто больших и малых стран.
На дорогах и в селеньях
по царёву повеленью
он расспрашивал людей:
где прописан Берендей,
где кота искать, откуда
достаёт народ посуду.

Но молчал чужой народ,
как воды набравши в рот.
Так он мыкался по свету
без коней и без кареты,
без фуражки и штиблет
много дней, а, может, лет.
Как-то раз, устав не в шутку,
завернул он на минутку
отдохнуть в еловый лес.
Здесь его как будто бес
подтолкнул легонько в спину
в непролазную трясину,
где в довольствии живёт
лишь лягушачий народ,
да ещё плодится тина.
Понял Ваня, что кончина
тут его подстерегла,
словно тать из-за угла.
Вдруг он видит, как в тумане,
красну деву на поляне
всю в сиянии. Она
опьяняет без вина.
Говорит она Ивану:
«Чай, ты, юноша, не пьяный,
что плескаешься в воде?
Не случится бы беде.
Засиделся, знать, в трясине,
вылезай, а то простынешь».
Ване руку подала.

«Вот, спасибо, помогла, —
говорит Иван, — болото
не понравилось мне что-то,
ты ж понравилась вполне.
За кого молиться мне?»
Говорит ему девчонка:
«Моё имя — Одолёнка,
ну, а ты, видать, Иван,
что пришёл из дальних стран.
Знаю я, царю Кокоту
взять жену себе охота.
Чтоб подарки ей поднести,
он велел тебе принести
молодильных яблок груду,
Баюна-кота, посуду».
У Ивана выпал глаз:
«Ты не ведьма ли зараз?»
«Нет, конечно, но по свету
мне известны все секреты,
все дела и все слова —
колдовская я трава.
Хоть живу я на болоте,
но мои труды в почёте,
помогу тебе и впредь
все преграды одолеть.
А сейчас следи за мною,
обернусь я цвет-травой,
поклади её, Иван,

хоть в котомку, хоть в карман
и храни сильнее глаза.
А беда придёт, так сразу
говори мои слова:
«Одолей врага, трава,
иль преграду, иль невзгоду,
иль судьбу, иль непогоду».
А затем бросай цветок,
обратившись на восток».
Вкруг три раза повернулась,
вмиг травкою обернулась,
а на той траве цветок,
словно солнышка глоток.
Взял Иван цветок-девицу,
примостил её в петлицу
и без горя пошагал
то искать, что не терял.

* * *

День проходит или боле,
встретил Ваня в чистом поле
старца древнего с клюкой
и с котомкой за спиной.
«Здравствуй, добрый человек, –
говорит Иван, – далече
или близко держишь путь,
может, надо подмогнуть?»
«Помоги, коль ты сильнее,
а иду я к Берендею, –

говорит старик в ответ, —
тайны в том великой нет.
Старый стал я, по больницам
разным пробовал лечиться,
трижды ездил на курорт,
не помог ни Бог, ни чёрт.
Как старел, так и старею.
А теперь вот к Берендею,
как сказал тебе, иду.

Говорят в его саду
свежих яблок молодильных
чародейных и всесильных
за столетье, почитай,
вызрел добрый урожай».
Подхватил Иван котомку:
«Собирайся, старичонка,
нам с тобою по пути,
знать, в один конец идти».
И пошли, ведя беседу,
от обеда до обеда
неизвестный старичок
и Ванюша-дурачок.
Говорится сказка скоро,
да дела идут неспоро.
Через восемь дней пришли
дед с Иваном в край земли.
Видят: царство Берендея
лучше, чем оранжерея,

в ней чудесные сады
и волшебные плоды.
Дед с Иваном поглазели,
под забором, как в постели,
переспали, а потом
к Берендею на приём,
лишь луна уснула в море,
всяк с своим помчались горем.
Во дворце их, как гостей,
царь встречает Берендей
и, согласно протоколу,
угощает кока-колой,
приглашает на ковёр
на серьёзный разговор:
«Отвечайте, кто такие,
не шпионы ль из России,
иль совсем наоборот –
дружелюбный вы народ,
может, песни вы поёте,
иль невест, как кур крадёте?»
«Что ты, царь, – старик в ответ, –
не затем мы ходим, нет.
Мы пришли твою подмогу
попросить за ради Бога,
дай нам яблок, Берендей,
пожалей простых людей».
Берендей ему: «Ну что же,
мы тебе, старик, поможем,
поспешай ко мне на склад,

там тебя и угостят.
А с Иваном дело хуже,
хочет яблок – пусть послужит.
И вообще в его года
ничего, кроме вреда,
для ума и сердца нету
от растительной диеты.
Коль, отслужит, сразу дам
яблок целый килограмм.
А за эту за награду,
срочно мне доставить надо
во дворец Баюн-кота.
Служба, видишь сам, проста.
Не пойдёшь – сгною в Сибири,
хоть в Чите, хоть в Анадыре».
Помолчав, сказал дурак:
«Прогуляюсь, коли так».

* * *

В путь-дорогу с новой песней
пошагал Иван. Известно,
нам от бабушек и мам –
нет преграды дуракам.
День проходит или боле,
повстречал он в чистом поле
удалого молодца –
можно воду пить с лица.
Поздоровались ребята,

разговор они богатый
завели между собой:
где, куда да кто такой.
Добрый молодец Ивану
говорит: «Темнить не стану,
я попутчик твой – старик.

Съел я яблоки и в миг
стал на сотню лет моложе,
и решил тогда: не гоже
просто так идти домой.

Что я нищий иль больной?

Я теперь могу жениться
на какой-нибудь девице.
Жизнь без бабы – маета.

Баюна хочу кота
подарить ей, чтоб веселье
было нам на новоселье.

Будет петь он да играть,
мы же – жить да поживать».

Ваня сразу встрепенулся:
«Хорошо, что подвернулся
ты опять мне на пути,
нам в один конец идти».

Шли они, ведя беседы,
от обеда до обеда
восемь дней и семь ночей
в ту страну, где Елисей,
царь, известный в некоем роде,
баюнов-котов разводит

и, как люди говорят,
продаёт тайком котят.
Ближе к ночи до столицы
добрались они, напиться
попросили у людей.
Утро ночи мудреней,
потому без разговора
спать легли возле забора,
утром встали и бегом
к Елисею на приём.
Во дворце по протоколу,
угощая пепси-колой,
царь-кошатник Елисей
принимал их как гостей.
Сев удобно на диване,
при халате и кальяне
он, как будто речка с гор,
первым начал разговор:
«Знать хочу я, кто такие,
не шпионы ль из России
иль иных каких сторон?
Может, вздумали урон
нанести моим владеньям
хулиганским поведением?
Может, всё наоборот
не враждебный вы народ,
а заморские туристы
иль заезжие артисты,

может, шли не тем путём
за каким-нибудь вождём
и дошли до края света?»
«Что ты, царь, – ему на это
молодой сказал старик, –
мы с Иваном в сей же миг
всё расскажем, словно Богу.
Мы пришли просить подмогу.

Есть у нас одна мечта:
раздобыть Баюн-кота.
Мы сейчас от Берендея,
я, к примеру, постарее
ваших здешних стариков,
но из царственных садов
съел я яблок молодильных
чародейных и всесильных
и теперь перед тобой
совершенно молодой.

Потому, хочу жениться
на какой-нибудь девице.

Ей в подарок нужен кот,
что танцует и поёт.

Будет петь у нас в квартире,
мы же жить в добре и мире».

«Вижу, – молвил Елисей, –
нужен кот тебе. Скорей
поспешай на склад, котята
раздаются там по благу».

«Ну, а твой какой резон?» –

говорит Ивану он.
А Иван: «Царю Кокоту
взять жену себе охота.
Чтоб подарок ей поднести,
приказал он мне принести
молодильных яблок груду,
Баюна-кота, посуду,
чтоб в ней царская еда
не кончалась никогда.
Заходил я к Берендею,
он меня погнал в три шеи
за котом твоим сюда.
Вот и вся моя беда».
Елисей в ответ Ивану:
«Я обманывать не стану,
будет кот тебе и два,
если ты до Покрова
принесешь мне хоть откуда
золочёную посуду,
чтоб в ней царская еда
не кончалась никогда.
Не пойдёшь – помну с картошкой
и скормлю котам и кошкам».
Говорит ему дурак:
«Прогуляюсь, коли так».

* * *

Говорится сказка скоро,
да дела идут неспоро,
коль дорога далека.
Снова Ваня старика
догоняет в чистом поле.
Вот уж дружба поневоле!
Говорит Иван «Привет,
ты куда шагаешь, дед?»
Тот Ивану: «У Махмуда
есть какая-то посуда.
В ней приличная еда
приготовлена всегда.
Раз надумал я жениться
на какой-нибудь девице,
надо жизнь ей облегчить
самоварку раздобыть».
Снова Ваня вострепнулся:
«Хорошо, что подвернулся
ты опять мне на пути,
нам в один конец идти»,
Долго шли они, покуда
не нашли царя Махмуда
и большой казённый дом,
где Махмуд ведёт приём.
Царь, согласно протоколу,
угостил их вита-колой,
усадив всех на ковёр,
пригласил на разговор.

Объяснил старик Махмуду,
что пришли, мол, за посудой,
не шпоны, не враги,
если можешь – помоги.
Говорит Махмуд: «Платите
и берите, что хотите.
Ну, а если денег нет,
то устройте хоть концерт
иль ещё какое диво,
чтоб пристойно и красиво,
чтобы вкус и лепота»...
«Покажу тебе кота, –
говорит старик Махмуду, –
он потянет на посуду,
не мышатник, а Баюн,
музыкант и говорун».
И тотчас же из котомки
достаёт старик котёнка,
посадил его на стул,
чуть за ухо потянул,
и запел тот с переливом.
«Ну, – сказал Махмуд, – за диво
я тебе посуду дам,
поспешай скорей к складам.
Ну, а ты, Иван, что скажешь,
что за фокус нам покажешь?
Если нечего сказать,
не мешай мне почивать».

Вышел Ваня от Махмуда:
«Вот проклятая посуда,
хоть давись из-за неё,
прямо ад, а не житьё.
Может, вызвать Одолёнку?
Обещала ведь девчонка,
не смеялась, коль, помочь
все невзгоды превозмочь».
Посмотрел он на цветочек,
тот как солнышка глоточек.
Прошептал Иван слова:
«Одолей врага, трава,
помоги достать посуду,
век тебя не позабуду»,
обратившись на восток,
бросил под ноги цветок.
В тот же миг, как куст зелёный,
появилась Одолёна,
вся в сиянье, как луна,
опьяняет без вина.
«Что за горе, за невзгода, –
говорит она, – погода,
может, в тутошних местах
на тебя наводит страх,
или, может быть, преграда
на пути твоём и надо
нам её преодолеть,
переплыть, перелететь?
Говори скорей, не бойся,

ни о чём не беспокойся,
отдыхай, твою беду
я руками разведу».

Говорит Иван: «Посуду
надо взять мне у Махмуда,
но в кармане ни гроша,
на аркане только вша,
да блоха ещё на теле
обитает не при деле».

Одолень-травя в ответ:
«Дела проще в мире нет.
Тут старик забыл котомку,
с ней посуду и котёнка,
яблок кучу – первый сорт,
словом, всё, что ждёт Кокот,
если он за это время
не скончался от волнений.
Так что можешь забирать».

«Не привык я воровать, –
проворчал сердито Ваня, –
я тебе не басурманин,
хоть дорога нелегка,
отыщу я старика
и верну ему котомку,
и посуду, и котёнка,
яблок кучу – первый сорт,
а Кокот пусть дальше ждёт».

Одолёнка улыбнулась,

вкруг три раза обернулась,
словно пёрышко легка,
превратилась в старика:
«А теперь возьмёшь котомку?
Я – старик и Одолёнка,
я – всему здесь голова,
колдовская я трава.

Не забудь, что завтра, в среду,
должен ты успеть к обеду
принести товар домой.
Здесь расстанемся с тобой».

Дед Ивану улыбнулся,
вкруг три раза обернулся,
топнул в землю и пропал,
словно сроду не бывал.
Подхватил Иван котомку
добрым словом Одолёнку
помянул и снова в путь
пошагал куда-нибудь.

* * *

Царь Кокот, проснувшись в среду,
стал готовиться к обеду:
похмелился, поскучал,
на картишках погадал,
вымыл руки с неохотой,
побранил слугу за что-то
и уселся на диван,
ждать, когда придёт Иван.

Без пяти минут двенадцать
слышит царь, к нему стучатся.
Побежал бегом Кокот,
дурня встретил у ворот.
Скинул с плеч Иван котомку:
«Ну, задал ты работёнку,
принимай свои дары
да устраивай пиры»,
Царь Кокот от восхищенья
принял мудрое решение:
«В дар получит пусть дурак
мною утеранный пятак,
да нальют ему из фляги
полстакана царской браги
и дадут на закуску щей
из солёных овощей».
Сам почистился немного
и пошёл через дорогу
вместе с Ванькиной сумой
в гости к девке молодой.
На крыльцо, его встречая,
вышла дева молодая.
Говорит ей царь: «Заказ
я твой выполнил зараз.
Здесь в котомке яблок груды,
золочёная посуда,
а в придачу кот Баюн,
он затейник и шалун.

Ты взамен отдай мне руку,
отведи от сердца муку,
чтоб любовь нам и совет».

А она ему в ответ:

«Если хочешь, царь, жениться,
то изволь не торопиться,
а исполнить мой приказ,
так и быть, в последний раз.

Ходит слух, за океаном
иль в других каких-то странах,
если люди мне не врут,
на базарах продают
приворотливое зелье
на любовь и на веселье,
а без этого питья
жить с тобой не стану я».

Царь, напившись с горя пьяным,
повелел найти Ивана
и доставить во дворец,
как невесту под венец.
Отыскиали дурня слуги,
как обычно, без натуги,
и доставили во двор
на серьёзный разговор.
Говорит Кокот Ивану:
«Слышал я, за океаном,
коли люди мне не врут,
на базарах продают
приворотливое зелье

для любви и для веселья,
для семейного венца
и счастливого конца.
А без этого отвара
мы с царь-девицей не пара.
Если понял что-нибудь,
отправляйся живо в путь».
Сколько Ваня ни рядился,
не ругался, не молился,
у царя один ответ:
«Чтобы к пятнице в обед
по царёву повелению,
государеву хотению.
ты хоть мёртвый, хоть живой
колдовской принёс настой.
А тогда, коль нету мочи,
дам тебе путёвку в Сочи,
отдохнёшь дней двадцать пять,
а пока, изволь, молчать.
А не то за разговоры
я тебя казню, как вора».
«Что ж, — в сердцах сказал дурак, —
прогуляюсь, коли так».

* * *

Снова Ване собираться,
в путь-дорогу снаряжаться
наступил урочный час.
Не объедешь ведь приказ,

не сотрёшь рукой законы.
Вспомнил он про Одолёну,
пожалел, что сплеховал,
адресок не записал.
Хоть и знает от кого-то,
что растёт среди болота
Одолень – волшебный цвет,
но болотам счёта нет.
Да и точные науки
доставляют дурню муки.
В первый раз на полпути
он не знал куда идти.
Заскучал от горя Ваня:
«Хоть бы что-нибудь в кармане –
хлеба ль сахара кусок».
Сунул руку – милый Бог,
а в кармане-то цветочек,
одолень-травы кусочек,
не находка – благодать,
можно жить – не умирать.
Сразу стал теплее вечер.
Развернул Ванюша плечи
и сказал скорей слова:
«Одолей врага, трава,
помоги достать мне зелье
для любви и для веселья».
Обратившись на восток,
бросил на землю цветок.
И тотчас, как куст зелёный,

появилась Одолёна
вся в сиянье, как Луна,
опьяняет без вина.
«Что за горе, за невзгода, –
говорит она, – погода,
может, в тутошних местах
на тебя наводят страх,
или, может быть, преграда
поднялась не там, где надо,
или мучают цари?
Что им надо? Говори!»
Говорит Иван девице:
«Царь Кокот решил жениться,
шлёт меня за океан,
там, коль это не обман,
продают на рынке зелье
для любви и для веселья,
для семейного венца
и счастливого конца.
А без этого настоя
царь Кокот гроша не стоит:
не жених, а просто пшик,
больше баба, чем мужик.
Коль тебе не трудно это,
дай полезного совета.
Я, как честный человек,
буду помнить тебя век».
«Это, – молвит Одолёнка, –

не работа, работёнка.
Стану я сейчас травой,
ты возьми её с собой.
В ней и счастье, и несчастье,
раздели её на части,
завари, как крепкий чай,
остуди и угощай.
Часть одну отдай Кокоту
на десерт вместо компота,
часть вторую дай мадам,
ну, а третью выпей сам».
Говорится сказка скоро,
да дела идут неспоро.
Всё же в пятницу в обед
он явился, как и след,
по царёву указанью,
именному расписанью
с приворотливой травой
на приём к царю домой.
Говорит Иван Кокоту:
«Вот настой для приворота,
выпей-ка его в обед,
вместо кофе, на десерт.
Чтоб тебе не колготиться,
я снесу и царь-девице
приворотливый настой,
а потом пойду домой,
на печи посплю немного,
отдохну чуток с дороги.

Так что, царь, не обессудь,
жив-здоров и счастлив будь».

По пути зашёл к девице,
на дворец её дивится:
словно сказка, тот дворец –
дорогих камней ларец.

Весь сверкает он и пышет,
облака, как снег на крыше,
сад вокруг, как дивный лес,
полон всяческих чудес.

На крыльцо, его встречая,
вышла дева молодая,
разомлевшая со сна,
слаще мёда и вина.

Говорит Иван ей: «Зелье
для любви и для веселья
передал тебе Кокот,
ты его, словно компот,
выпей нынче за обедом,
и конец тоске и бедам.

Будь здорова и прощай,
лихом, чур, не вспоминай».
Дома Ваня две-три ложки
съел поджаренной картошки,
выпил зелье и на печь
поспешил с тулупом лечь.

В это время у Кокота
появилась, вдруг, забота:

потянуло на любовь,
 заиграла в жилах кровь.
«Вот теперь пора к девице,
срочно надобно жениться, –
 размечтался царь Кокот, –
 ишь, энергия как прёт.
И она, поди, в волненье
извелась от нетерпенья,
 дожидаясь жениха.
Тут недолго до греха».
В то же время царь-девица
бьётся, словно кобылица,
 разгулявшаяся кровь
 потянула на любовь,
 как тигрицу на охоту.
«Позову-ка я Кокота,
соглашусь с царём на брак,
 он старик, но не дурак.
Съест он яблок молодильных
 чародейных и всесильных,
 и, даст Бог, в единый миг
 станет молодцем старик,
будем спать в одной постели,
жить в довольстве и веселье».
Ваня спит и видит сон,
 что он в девушку влюблён,
 не в царицу, не в принцессу.
 а в красавицу из леса.
Говорит он ей слова:

«Одолей врага, трава,
стань моею, Одолёна,
перед Богом наречённой,
как законная жена».

Говорит ему она:

«Я уже не Одолёна,
просто девушка Алёна.

Ты из сути колдовской
травяной сварил настой.

Не побрезгуешь жениться
на совсем простой девице,
я согласна, что уж врать,
а теперь пора вставать».

Подскочил Ванюша. Разом
от волнения ум за разум
заскочил – и был таков:
не видал чуднее снов.

Ну, а явь ещё чуднее
и толковей, и длиннее:
как сиянье от окна,

у крыльца стоит она –
не былинка, а девчонка
раскрасавица Алёнка.

Говорит ему: «Привет,
можно в гости или нет?»

Ей Иван в ответ: «Давай-ка,
заходи и будь хозяйкой,
созовём в избу гостей,

справим свадьбу без затей».
«Я согласна, – Одолёнка,
а верней сказать, Алёнка
входит чинно к Ване в дом, –
будем жить – не пропадём».

* * *

Царь-девица в нетерпенье,
в восхищенье и волненье
ждёт, пождёт, когда придёт
околдованный Кокот.
Полежала, походила:
ах, накраситься забыла,
села сходу за трельяж,
чтобы сделать макияж.
В то же самое мгновенье,
как своё отображенье
увидала в зеркалах,
всё забыла в пух и прах:
и Кокота, и страданья,
и мечты, и ожидания,
но за это образ свой
полюбила всей душой.
На себя теперь девица
всё глядит – не наглядится,
а вне зеркала она
знать не хочет ни рожна.
В гости царь идти собрался,
руки вымыл, причесался

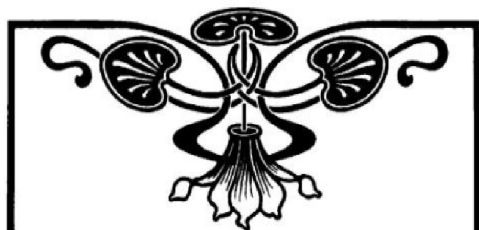
и к девице молодой
побежал прямой тропой.
Пробежал он так немножко
и увидел на дорожке,
как во сне, судьбу свою –
супоросную свинью.
А, увидев, восхитился
и без памяти влюбился,
позабыв на век о всём
в сумасшествии своём:
в том числе про депутатов,
что, как пни, сидят в палатах,
про министров, воевод,
генералов всех пород,
звездочётов, чародеев,
собутыльников, евреев,
мамок, нянек, двух шутов,
про невесту и врагов,
про страну, что в ней ютятся,
топорами мастерятся
люди всяческих мастей
из различных волостей.
Вот и всё. С того момента
царь Кокот лишь комплименты
сыплет всюду для свиньи,
словно деньги не свои.
Кстати, яблочек молодильных
чародейных и всесильных

любопытный народ
так нигде и не найдёт.

Золочёную посуду
из сокровищниц Махмуда
слуги сдали в Эрмитаж.

Вкруг её ажиотаж
поостыл, когда узнали,
что и в ней еду пожрали.
Только старый мудрый кот
во дворце один живёт,
а Ивановы детишки
с ним играют в кошки-мышки,
отвечают на «апчихи»,
просят сказки да стихи.

И ещё. У частокола
люди мужеского пола
не лежат ни тут, ни там,
разбрелись все по домам.
Сколько ниточка не вьётся,
но конец всегда найдётся,
сказке тоже есть конец,
тот, кто слушал, молодец.

КОЛДУН

КОЛДУН

*Помолясь, начнём опять
сказку новую слагать.
Говорят, живут в Расее
колдуны и чародеи,
ведьмы с Бабою Ягой,
в каждом доме – домовой,
возле рек лесных русалки
по ночам играют в салки
или водят хоровод.
Змей Горыныч здесь живёт.
По велению Кощея*

он летает над Расеей
и, как коршун глупых птиц,
молодых крадёт девиц.
Злые сёстры лихорадки
учиняют беспорядки,
портят яблоки в саду,
травят воду и еду.
Не дают они проходу
беззащитному народу,
между делом иль на спор
насылая хворь и мор.
Проедают людям плечи
и кикиморы, и леший,
в глубине лесных болот
губят праведный народ.
В новолунье злая сила
поднимает из могилы,
лишь затихнет бой часов,
кровожадных мертвецов.
Загрызают вурдалаки
старых женщин, как собаки,
стаи злобных упырей –
красных девок и парней,
бледнокожие вампиры
забираются в квартиры
и, подобно злым сычам,
губят жертвы по ночам.
А найти на них управу

*ни дружины, ни заставы,
где стоят богатыри,
ни крещёные цари,
ни волхвы, ни заговоры,
ни замки и ни запоры,
ни монахи, ни кресты,
ни молитвы, ни посты,
ни учёные советы
разных университетов
и ни прочий контингент
не смогли за сотни лет.
До сих пор у нас в Расее
правят злыдни и злодеи
на погибель всей страны.
Знать, и мы кой в чём грешны.
Перво-наперво, от Бога
отступились мы немного,
положить умело крест
вряд ли сможет кто окрест.
Во-вторых, мы позабыли
сказки все свои и были,
а должны бы наизусть
знать истории про Русь.*

** * **

В старину в одном селенье
у сельчан в большом почтенье
в добром здравье и с мошной
жили муж с своей женой.

Всё у них мирком да ладом
по обычьям и обрядам:
пашня славная и дом
с красной крышей и крыльцом.
Муж хозяйствует на поле,
а жена по Божьей воле
варит, моет, чистит, шьёт,
в общем, дом во всём блюдёт.
Так стараньем и заботой,
повседневною работой
в уважении сельчан
жили Марья да Иван.
Бог за веру и терпенье
им послал для утешенья
двух детей в едину ночь —
и наследника, и дочь.
Отмечало всё селенье
это славное рожденье,
веселились до утра
все от мала до стара.
А с утра друзья Ивана
снова взялись за стаканы,
и опять плясали вокруг
сорок Марьиных подруг.
После доброго зачина
всё пошло по жизни чинно,
без особых мук и бед
пролетело десять лет.

Прилежаньем и стараньем
отличались Маша с Ваней,
и помощники во всём
были матери с отцом,
почитали бабу с дедом,
мать не мучили обедом,
без претензий и хлопот
ели всё, что Бог пошлёт.

* * *

Как-то летнею порою
Марья вместе с детворою
домовничала в дому
и, незнамо почему,
целый день была не в духе.
Как у немощной старухи
выпадало всё из рук.
Может, было недосуг,
может, хворь вселилась в тело,
может, просто надоело
каждый день варить и печь,
стены с крышею стеречь.
Всем известно, что причины
в бабьих душах для кручины
сверх того, конечно, есть –
кто их может перечесть.
К полдню солнце раскраснелось,
словно девица зарделось,
гонит всё живое в тень:

в сени, в лес и под плетень.
Лишь у Марьи ни минуты
нет, чтоб прятаться в закутах, —
все работы на одну,
как невзгоды на страну.
Тут помянешь вражье племя
сгоряча. А в это время
по деревне напрямик
незнакомый шёл старик
и негаданно нежданно
в избу к Марье да Ивану,
не здороваясь, вошёл,
не крестясь, залез за стол.
Марья ахнуть не успела,
как старик скатёркой белой
вытер руки и лицо
будто мытое яйцо,
шапку грязную в заплатках
кинул в детскую кроватку,
положил на стол кисет
и потребовал обед.
Не смущаясь, не краснея,
он сидел, набычив шею,
и плевал на чистый пол,
как верблюд или осёл.
Тут хозяйка не стерпела,
закричала, зашумела:
«Ишь, надумал что, нахал,

уходи, пока скандал
я тебе не закатила,
собирай, нечиста сила,
свои вещи и тряпье,
чай, не царское бельё,
да и ты, чай, не царица,
чтобы мне с тобой рядиться».

И, как с закрома мышей,
погнала его взащей
с бабьей руганью и бранью.
А в ограде Маша с Ваней
стали мамке помогать
старика с подворья гнать.

А старик, как кошка, прытко
из избы скорей в калитку
прошмыгнул, и всем троим
пальцем грязным и сухим
погрозив, сказал сердито:
«Марья, мы ещё не квиты,
рассчитаюсь я с тобой
самой страшною бедой,
за такое угощенье
нет тебе вовек прощенья».

В землю топнул старикан
и растаял, как туман.
Марья тут перекрестилась,
долго в комнате молилась
на святые образа,
чтоб не грянула гроза.

* * *

В тот же день пришло проклятье,
поселилось на полатах,
превратив цветущий дом
и в Гоморру, и в Содом.
Всё добро единым махом
разошлось по свету прахом:
всю одежду съела моль,
извела скотину боль,
пашеницу из-под крыши
за ночь вытаскали мыши,
тараканы и клопы
съели чуть не воз крупы.
Так дожились, что запаса
никакого, кроме кваса,
не осталось наперёд.
Удивляется народ:
«Это что за чертовщина,
баба в силе и мужчина
бьются рыбами об лёд,
а удача не идёт.
Всё прожили да проели,
в лето раза три горели,
в огороде червяки
съели всё, лишь сорняки
разрослись, как будто кто-то
проявлял о них заботу.
Видно, правда, где беда,

там полынь и лебеда».
Людям горе, ну, а нечисть
продолжает куролесить:
на детей наслала хворь,
то ли свинку, то ли корь,
а затем ещё заразы
то ль от порчи, то ль от сглаза.
И не в силах им помочь,
плачет Марья день и ночь,
ищет помощи у Бога,
но замешкалась подмога.
С горя начал пить Иван,
что ни вечер, в стельку пьян,
утром ищет похмелиться,
чтоб затем опять напиться.
Ох, наверное, сильна
злая сила у вина.
Горя нет страшной на свете,
чем болеющие дети
да запивший без причин
муж любимый или сын.
От одной такой напасти
на всю жизнь лишишься счастья.
Но на этом небеса
не простили. Голоса
раздаваться стали всюду,
не показываясь люду:
то пугать, то страшно выть,
то попить, поесть просить,

то ругаться меж собою,
то смеяться над бедою.

И на этот визг и вой
нет управы никакой.

От бессилия и страха
пригласили раз монаха,
чтобы он святой водой
разобрался бы с бедой,
посрамил хоть в чём-то беса,
как срамит родная пресса
и страну свою, и власть
от души, со вкусом, всласть.

Началась святая битва,
как положено, с молитвы
и чудесного креста.

Не жалел отец хребта,
клал глубокие поклоны
до земли перед иконой,
окроплял углы водой
не обычной, а святой,
от души дымил кадилом,
гнал взащей нечисту силу,
пел псалмы и без конца
уговаривал творца.

Только нечисть ноль вниманья
на поповские старанья:
потеряв и срам, и стыд,
как дурила, так дурит.

Не боится злая сила
ни молитвы, ни кадила,
ни креста и ни воды,
и ни прочей ерунды.
После службы на прощанье
за великие старанья,
за стремление и пыл
поп награду заслужил:
от кого-то в лоб поленом,
а затем под зад коленом,
и скатился он с крыльца
скорлупою от яйца.
И осталось всё, как было –
пусто, голодно, постыло,
прям, хоть в омут головой,
чтобы в нём найти покой.

* * *

Долго Марья горевала,
руки в горести ломала,
слёзы день и ночь лила,
всё молилась и ждала,
несмотря на пересуды,
блага, милости иль чуда.
Но однажды кто-то ей
из знакомых иль друзей
подсказал, что снять проклятье,
как и всякое заклатье,
может только тот колдун,

что навёл на дом беду.
«Что ж, коль в этом нет обмана, —
Марья молвит, — старикана,
что наслал на нас беду,
я, как пить подать, найду.
Обойду пешком полсвета,
благо, круглая планета,
влево, вправо ли идти —
всё мне будет по пути.
А тем боле, мои сборы
лишь закончить разговоры,
пояс ту же подтянуть
и уже готова в путь».
Поклонившись влево, вправо,
по старинному уставу,
пожелав родне добра,
Марья вышла со двора.
Через речку на покосы,
где хозяйничали косы
до тех пор, пока к ней в дом
не пришла беда пешком;
мимо поля, где пшеница
с той поры не колосится,
а колышется бурьян,
словно море-океан.
Дальше в лес, сюда когда-то
приходила брать маслята,
чтобы было веселей,

приводила и детей.
Мама с дочкой в сарафанах,
как цветочки на полянах,
украшали лес собой.
А Ванюша день-деньской
то играл, то веселился,
то скакал по веткам птицей,
то медведицей рычал,
мать с сестрёнкою пугал.
Вспоминая те денёчки,
Марья всхлипнула, сыночка
и дочурку стало жаль.
Засверкали, как хрусталь,
хоронясь в густых ресницах,
слёзы, словно жары-птицы
или уголья в печи
посреди глухой ночи.
Но уже через мгновенье
отступило наважденье,
шаг ускорила она.
И родная сторона
позади осталась вскоре.
Дым отечества хоть горек,
но всегда вкусней, чем мёд
от заморских от щедрот.
Долго, нет ли шла Мария,
но вселенские стихии
помогали ей идти
по незнакомому пути.

Ветер дул легонько в спину,
отгоняя грусть-кручину
заодно и комаров, —
кровопивцев и воров.
Солнце плечи ей ласкало,
грело, словно покрывало,
и светило, как и след,
не в глаза, а только вслед.
По ночам луна всходила,
хоть не грела, но светила.
Марья ей не раз, не два
слала добрые слова.
Неприветливые тучи
проливали дождь колючий
непрерывно вдалеке —
на болоте иль реке.
День иль два в пути проходит,
наконец, она приходит
в незнакомое село.
Солнце ужинать ушло,
а ему луна на смену
вышла важно и степенно
на хрустальный небосвод,
звёзды, как овец, пасёт.
Те идут по небу дружно,
благо, что спешить не нужно,
ведь в заоблачном краю
сыты все, будто в раю.

Лишь порой по недоглядке
мчится с неба без оглядки
шелудивая звезда,
нам не ведомо куда.
Марья выбрала избушку,
где жила одна старушка,
попросила её: «Мать,
разреши заночевать,
не стесню тебя, я рано
вместе с солнцем ясным встану,
отдыхать не стану впрок,
путь уж больно мой далёк».
Дверь старушка отворила,
гостью в горницу впустила,
по обычью, разносол
весь поставила на стол.
После отдыха и снеди
повели они беседы,
ну, а женский разговор
не бывает шибко скор.
Марья с доброю старушкой
рассказали другу дружке
всё, что было и что ждёт
их на много лет вперёд,
над бедой погоревали,
а когда вздыхать устали,
то хозяйка в поздний час
начала чудной рассказ:
«Говорить я не хотела

про худое это дело,
но и прятаться невмочь,
может, чем смогу помочь.
Помню точно, жарким летом
на селе случилось это,
по деревне напрямик
незнакомый шёл старик.
Толстой палкой суковатой
пыль пахал он, как оратай
пашет полюшко весной
плугом или же сохой.
Как рассказывают люди,
ростом был старик по груди,
кривоногий, с виду злой,
словно чёрт иль домовой.
А наряжен был в одежду,
что и пугалу не гоже
надевать, чтобы на двор
отправляться в свой дозор.
Увидав такую рожу,
осенялся всяк прохожий
за его спиной крестом
и спешил укрыться в дом.
Так он шёл, как ты намедни,
и свернул во двор соседний,
в тот вон дом наискосок.
Лишь ступил через порог,
не здороваясь с хозяйкой,

закричал: «А ну, давай-ка,
доставай из печки щи
и другую снедь тащи.
Отощал я по дороге,
как к весне медведь в берлоге,
люди всё жаде да горяч
зажимает, сволочь, харч».
Дарья, так зовут соседку,
без расспроса и разведки
старика пинком под зад
угнала за палисад,
и со злости так отбрила,
как вовек не говорила
ни подругам, ни врагам —
не слыхать такого б вам.
Старикан, дослушав Дарью,
говорит: «Тебе на псарне
жить и лаять злобным псом,
сторожить хозяйский дом».
К ночи лаять, как собака,
стала Дарья-забияка
и, на радость колдуну,
выть по-волчьи на луну,
а на третий день иль пятый
стала баба волосатой.
Из-под юбки вылез хвост,
и теперь она, как пёс,
вместо речи человеческой
им виляет нам при встрече.

Видно, есть что рассказать,
да не знает, как сказать».

После этого рассказа
Марью сон оставил разом,
и она шагнула в ночь,
потому, как ждать невмочь.

Полетела птицей вольной
лесом тёмным, светлым полем,
в день иль два она дошла
до какого-то села.

В крайнем домике в окошко
тихо стукнула: «Немножко
дайте мне передохнуть,
больно тяжким был мой путь».

Перед Марьей дверь открыли,
в дом любезно пригласили,
после ужина нескор
завязался разговор.

Людям добрым обсказала
гостя с самого начала
про житьё своё, про зло,
что змеёю в дом вползло,
как она пошла по свету,
чтоб самой злодейство это
отмолить у колдуна,
раз на ней лежит вина.

Говорит хозяин: «Чуден
твой рассказ, но нашим людям

быль известна почудней.
Много лет назад и дней
мимо окон наших прямо
шёл старик никем незнамый
невысокий, с виду злой
с длинной грязной бородой,
с толстой палкой суковатой,
в платье рваном. С ходу в хату
к Акулине он зашёл,
неспросясь, залез за стол,
стал кричать на Акулину,
как на глупую скотину,
в общем, требовать обед,
будто бы не ел сто лет.
Акулина, хоть и баба,
но широкого масштаба,
для неё такой злодей,
что вороне воробей.
Рассердясь, она ухватом
деда выгнала из хаты
в дверь открытую во двор
на потеху и позор.
И давай срамить нахала,
мне самой, мол, хлеба мало,
не тебе варила щи,
у других иди ищи.
Если лень, пасись на травке,
воду пей, как бык, в канавке,
коль не мот ты, не транжир,

к холодам накопишь жир.
Старикан на эти речи
говорит: «Ещё не вечер,
чтобы ставни закрывать,
не хочу тебе мешать:
ешь, сударыня, досыта
травку прям из-под копыта,
из болота воду пей,
раз пожадничала щей».
Ближе к вечеру в скотину
превратилась Акулина,
во дворе у нас стоит,
сено ест и всё мычит,
а сказать не может слова
бессловесная корова».
Марья ахнула: «И тут
к колдуну следы ведут».
Спозаранок она снова
колдуна искать готова,
всем отвесила поклон,
как ведётся испокон,
пожелала на прощанье
исполнения желаний
добрым людям за приют,
за утеху и уют.

* * *

Есть судьба, а есть судьбина,
та ведёт, та гонит в спину.

Марью доля довела
до какого-то села.
Здесь в тесовые ворота
тихо стукнула: «Хоть кто-то
дайте страннице ночлег,
буду помнить вас вовек».
Добросердые селяне
в дом пустили, жарко баню
истопили, разносол
весь поставили на стол,
гостью дружно угощали,
а когда есть-пить устали,
принялись за разговор,
как всегда про всякий вздор.
Марья всё им рассказала:
как жила и как страдала,
про заклятье колдуна,
в чём была её вина,
как она пошла по свету,
чтобы снять проклятье это,
но за долгих тридцать дней
повезло не сильно ей.
Домочадцы друг на друга
поглядели. «Ох, подруга, —
ей хозяин говорит, —
твой колдун в земле зарыт,
спит тридцатое, зная, лето,
позамешкалась ты где-то,
с опозданием пришла,

муки зря перенесла».
Марья им в ответ: «Селяне,
небольшое расстояние
я прошла, до вас пути
дён не боле тридцати.
Старикана нынче летом
видел люд по белу свету,
может быть, ваш чародей
был совсем других кровей?»
Ей хозяйка: «Что ты, что ты,
это он, его работа,
он таких бесовских дел
натворить и здесь успел.
Например, свою соседку
превратил со зла в наседку,
не нашла для колдуна
то ли хлеба, то ль блина.
Каждым утром пешим ходом
по селу он шёл с обходом,
а за ним терялось зло,
как «орешки» за козлом.
И никто не знал, не ведал,
как он пакости те делал.
Говорят, умел он вспать
даже время обращать,
делал старых молодыми,
мертвецов опять живыми,
а, коль надо, жизни ход

двигал запросто вперёд.
Я боюсь, что злую шутку
он сыграл с тобой, не сутки
и не тридцать дней ты шла
от села и до села,
и не тридцать дней прощенья
добивалась ты в мученьях,
а тяжёлых тридцать лет».
«Нет, – вскричала Марья, – нет,
как же так могло случиться,
если мне самой лишь тридцать?!»
Ей хозяйка: «Извини,
хочешь, в зеркало взгляни,
от него не жди покражи,
всё как есть, тебе покажет,
не соседка – не соврёт,
не прибавит, не возьмёт».
Собралась Мария с духом, –
глядь, а в зеркале старуха:
белый волос, тусклый взгляд,
лет давно за шестьдесят.
«Да неужто я такая?» –
Марья вскрикнула, махая
на зеркальный образ свой
ослабевшею рукой.
Так порой у нас бывает:
в суете не замечаем,
как стареют мать с отцом,
а спохватимся, их дом

пуст давно, и мы уж стары,
хоть садись за мемуары,
в гости ждём с тоской детей,
только нет, увы, гостей.
Рано утром Марья встала,
до земли поклон поклала,
пожелала всем добра.
«Видно, мне домой пора, —
говорит она селянам, —
больше я ходить не стану, —
ищешь, нет ли, выйдет шиш,
от судьбы не убежишь».

* * *

Говорят у нас в народе:
всё со временем проходит,
горе, счастье, как дожди,
остаются позади.

А из будущего смена
им приходит непременно,
чтобы в свой уйти черёд
в забытья водоворот.
Только Марьины невзгоды
не ушли за эти годы,
все остались у неё
на совместное житьё,
к старым новые в придачу
подселились, как на дачу,
и, как стая злых ворон,

так и рвут со всех сторон.
Как-то Марьины соседи
пили чай после обеда,
вдруг, стучится кто-то в дверь.
«В нашем доме нет потерь, –
пошутил хозяин, – с Богом
проходите, под порогом
можно ноги отстоять.
Накорми-ка гостью, мать».
Гостья им: «Спаси вас Боже,
пусть вам дни он приумножит.
Вижу, всё у вас добром:
чаша полная – ваш дом,
угощаете с почтеньем
незнакомку угощеньем,
значит, нету в сердце зла,
честь за то вам и хвала».
Говорили с ней соседи
и про радости, и беды,
про былые времена.
Не открылась им она.
А сказала: «Я – девица,
монастырская черница,
приняла святой обет
обойти весь белый свет
и среди простого люда
разыскать такое чудо,
чтоб обычный человек
не слышал о нём во век».

Муж с женой переглянулись,
к Марье разом повернулись:
«Есть у нас такой рассказ,
только выслушайте нас.
Как-то здесь у нас в селенье
в доброй славе и почтенье
в уважении сельчан
жили Марья да Иван.
Всё у них мирком и ладом
по обычьям да обрядам,
пашня славная и дом
полон счастьем и добром.
За труды и за терпенье
Бог послал им в утешенье
двух детей в едину ночь —
и наследника, и дочь.
Отмечало всё селенье
это славное рожденье,
потому без мук и бед
пролетело десять лет.
Как-то летнею порою
баба вместе с детворою
что-то делала. В тот миг
в дом вошёл чужой старик,
весь оборванный, а рожей
на цепного пса похожий,
закричал: «Тащи-ка щи
поскорее из печи».

Марья вспыхнула от злости
и в сердцах прогнала гостя.

А старик ей: «Я с тобой
счёт сведу большой бедой,
за такое угощение
не видать тебе прощенья».

В землю топнул старикан
и растаял, как туман.

В тот же день его проклятье
поселилось на полатах,
превратив цветущий дом
и в Гоморру, и в Содом.

Всё добро единым махом
разошлось по свету прахом,
всю одежду съела моль,
извела скотину боль.

Так дожились, что запаса
не осталось, кроме кваса.

На детей напала хворь –
то ли свинка, то ли корь,
то ль, как сказывают, сразу
все известные заразы.

Ко всему запил Иван,
что ни вечер, в стельку пьян.

Марья долго горевала,
но в один из дней пропала.

Что с ней стало? До сих пор
мы ведём об этом спор.

Может, в речке утонула.

тело в омут затянуло,
может, съел голодный зверь,
попытайся-ка, проверь.
Может быть, жива и где-то
бродит, как и вы, по свету,
ну, а может, где живёт
без нужды и без забот.
Что гадать о том? Гаданья
не дают для пониманья
сути дела ни шута –
всё обман и суета.
А без Марьи у Ивана
на душе открылась рана,
пить он бросил, но как мох,
лет за пять совсем иссох.
Всей деревней хоронили.
Мы считаем, что в могиле
он нашёл себе покой
грешным телом и душой.
Маша с Ваней жили вместе,
словно куры на насесте:
вроде рядом – всё же врозь,
дрались, будто псы за кость,
без какой-либо причины
из-за всякой чертовщины.
Наконец, покинув дом,
стали жить своим умом.
Маша замуж вышла вскоре,

чтобы с мужем мыкать горе,
хуже всех в селе живёт:
воду ест и воду пьёт.
Ваня пьянствовал без дела,
но одна вдова пригрела,
приняла к себе, но там
жизнь – позор один и срам».

* * *

Рано утром только солнце
луч свой бросило в оконце,
Марья встала, помолясь,
в путь-дорогу собралась,
людям в пояс поклонилась
за оказанную милость
и тихонько побрела
на окраину села.
У прохожего спросила
про Иванову могилу,
посидела у неё,
про своё житьё-бытьё
над покойным помянула,
как положено, всплакнула
и пошла искать детей,
чтоб прижать к груди своей.
Ближе к ночи отыскала,
дом, где Маша проживала
с многочисленной семьёй.
Попросилась на постой.

Дверь ей дети отворили,
бабку в комнату впустили,
та вошла и обмерла,
не того она ждала.
Что увидела глазами,
не опишешь ни словами,
ни простым карандашом.
Хуже хлева был их дом.
Дети в чирьях да в коросте
смотрят жалобно на гостью,
просят взглядом: «Дай, что есть,
мы что хочешь, можем съесть».
Бабка всё дала, что было.
Позже внуков расспросила,
где отец у них, где мать.
«Да, опять ушли гулять, —
дети ей в слезах сказали, —
всё пропили и проспали,
чахнем, тётя, мы и мрём,
провалиться, если врём».
Марья, слушая рассказы,
потеряла, было разум.
Тут явились дочь и зять,
стали мать из дома гнать:
«Вон отсюда, побирушка,
не получишь ни полушки,
на чужой на каравай
лучше рот не разевай,

забирай свои пожитки
и катись-ка за калитку».
Гостя в слёзы: «Дочка, зять,
я же Марья – ваша мать,
целых тридцать лет старалась,
колдуна найти пыталась,
погибала сотни раз,
обошла весь мир для вас»...
Маша Марью перебила:
«Значит, мало ты ходила,
нам плетень не городи,
а ко всем чертям иди.
Отыскалась, вишь, мамаша
на сиротскую на кашу».
И погнали, кто как мог,
бабку вон через порог.
От обиды и позора,
наревевшись у забора,
Марья медленно пошла
прочь из этого села.

* * *

Спозаранок, после ночи,
ото сна, открывши очи,
солнце бросило свой взгляд
вниз на землю наугад.
«Это надо же, – светило,
удивясь, проговорило, –
Марья сызнова в пути.
Сколько надо ей пройти,
чтоб закончить это дело,
дать покой душе и телу?
Жаль, конечно, что помочь,
я, хоть чем-то, ей невмочь».
Ну, а Марье много ль надо?
Солнце вышло – солнцу рада,

месяц светит – значит, Бог
ей идти вперёд помог,
звёзды высыпали – ладно,
для души и то отрадно.
Так она за ночь дошла
до соседнего села.
Здесь жил сын, о том намереди
ей поведали соседи,
ну, а тут пацан перстом
указал Ванюшин дом.
Постучала Марья в двери,
как в нору к лесному зверю,
осторожно тук да тук.
Дверь сама открылась вдруг.
Марья в дом вошла и в горе
замерла, как в стужу море,
засыпает подо льдом
бесконечным зимним сном.
Дом по чёрному, как баня,
так, наверно, басурмане
даже в сказках не живут –
всё темно и пусто тут –
ни стола, ни табурета,
ни кровати, ни буфета,
ни одежды, ни еды,
ни посуды, ни воды.
В уголке в тряпье и рвани
спит её сыночек Ваня,
пьяный, видно, со вчера,

раз не чувствует утра.
Растолкала Марья сына,
в плач пустилась. В домовину
не кладут таких сейчас –
больно чёрен и безмяс.
Он поднялся. Как мартышка,
почесал ногтём под мышкой,
мать увидел: «Вот так да,
ты зачем пришла сюда?
Может, прячешь, побирушка,
в узелке своём чекушку,
так, не прячься, мне отдай,
попадёшь за это в рай.
А не дашь – иди отсюда
поскорей, жива покуда».
Марья: «Ваня, это я –
мать родимая твоя».
Ваня ей в ответ: «Я к ночи
слушать присказки охочий,
а с утра болит башка
без вина и табака,
недосуг с тобой возиться.
Если нет опохмелиться,
то иди-ка, бабка, вон».
Мать за дверь отправил он.
Марья вышла чуть живая
и пошла, куда не зная,
без дороги, без пути,

лишь бы ноги унести.
День ли два она шагала,
наконец, идти устала,
огляделась – всюду мгла,
спать под деревом легла
и, себе на удивленье,
ночь спала без сновидений,
словно горе и беда
не чинили ей вреда,
будто не было скитаний,
ни забот о Маше с Ваней,
ни других тревог и бед,
ни зазря прожитых лет.
Утром свет едва пробился
сон беспечный испарился
в небо каплей водяной.
Марья вымылась росой.
Примостившись на пенёчек,
развязала узелочек,
слава Богу, чтоб поестъ
в нём немного хлеба есть.
Надкусила лишь краюху,
как слышала в пол-уха,
кто-то ходит за спиной:
может, дикий зверь лесной,
может, леший лесом блудит,
может быть, худые люди,
каторжанин или вор, –
всяк готовит свой топор.

Обернулась Марья в страхе,
видит: рядом скачут птахи,
зайцы тут же меж собой
мирной заняты игрой,
чуть поодаль бродят козы,
не боясь ничей угрозы,
прям над нею бурундук,
хвост поджав, присел на сук,
на других деревьях белки
собрались на посиделки,
словом, тихо все вокруг.
Только видит Марья вдруг
из лесочка, как из дома,
вышел старец незнакомый
и пошёл к ней, не спеша.
Сердце ёкнуло, душа,
как дитя играя в прятки,
схоронилась в страхе в пятки.
Марья ахнула: «Ну, вот,
сам колдун ко мне идет,
значит, жив он и народу,
мутит жизнь, как овцы воду,
даже в этот мирный лес
безобразничать залез».
Пригляделась, видит: вроде
на злодея не походит,
доброта в его глазах,
как на Божьих образах

так и просится наружу.
С виду хоть и мал, но дюжий,
ладный, чистенько одет,
благочинный, видно, дед.
Марья встала, поклонилась:
«Здравствуй, деда, сделай милость,
коль не брезгуешь, со мной
хлеб откушай аржаной
и прости, кроме привета,
ничего другого нету».
Подошедший к Марье дед
поклонился ей в ответ:
«Здравствуй, добрая сестрица,
кто ты – путница, грибница,
по каким таким делам
бродишь нынче по лесам,
али что тревожит душу?
Расскажи, я буду слушать,
может, дам какой совет
за душевный твой привет».
«Хорошо, – сказала Марья, –
возвращусь на время в старь я.
Тридцать лет назад тому
я жила в своём дому.
Муж Иван работал в поле,
я, как баба, дома боле,
пряла, шила да ткала.
Так и шли у нас дела.
Бог за веру и терпенье

нам послал для утешенья
двух детей в едину ночь —
и наследника, и дочь.
Отмечало всё селенье
это славное рожденье,
потому без мук и бед
пролетело десять лет.
Как-то летнею порою
я с моею ребятнею
что-то делала. В тот миг
к нам вошел чужой старик:
весь оборванный, а рожей
на цепного пса похожий,
закричал: «Тащи-ка щипоскорее из печи».

Расходилась я от злости
и в сердцах прогнала гостя.
А старик мне: «Не прощу,
страшной карой угощу».

В тот же день его проклятье
поселилось на полатах,
превратив цветущий дом
и в Гоморру, и в Содом.
Всё добро единым махом
разошлось по свету прахом:
всю одежду съела моль,
извела скотину боль,
так дожились, что запаса

не осталось, кроме кваса.
На детей напала хворь
за ангиной сразу корь,
а за ней ещё заразы
то от порчи, то от сглаза.
С горя начал пить Иван,
что ни вечер, в стельку пьян,
утром ищет похмелиться,
чтобы заново напиться,
и не в силах им помочь
я рыдала день и ночь.
Наконец, я так решила:
«Лучше заживо в могилу
лечь и рученьки сложить,
чем в таких мученьях жить».
Поклонившись влево-вправо
по старинному уставу,
пожелав родне добра,
в путь пошла я со двора.
Чтобы снять с семьи проклятье,
мне сказали, отыскать я
обязательно должна
злого деда-колдуна.
С той поры брожу по свету
не одну весну и лето,
а считай, что тридцать лет,
но не встретился мне дед.
Может, вы о нём слышали
что-нибудь в таёжной дали?»

Тот кивает головой:
«Это братец мой родной».
Марья сразу оживилась:
«Деда милый, сделай милость,
помоги, раз он твой брат,
забери беду назад,
а не то за дочь и сына
я повешусь на осине,
жизнь не в радость мне, не в мочь,
день не в день и ночь не в ночь».
Старичок в ответ: «Подруга,
я – не брат, мы с ним друг друга
не любили сызмала.
Нас судьба с ним развела
на родительской могиле.
Мы тогда не поделили
то, что умерший отец
нам оставил под конец.
Не сказал он, умирая,
мне ль, ему ли завещает
силу тайную и мощь,
чтоб могли и мы помочь
человеку и скотине
в лихолетнюю годину,
чтоб могли дать хлеб и дом
всем нуждающимся в том».
Лишь засыпали могилу,
брат сказал: «Отцовой силы

ни тебе и ни врагам
я ни капли не отдам.
Все права на то имею:
старше я, к тому ж сильнее».
Так и стал он колдуном:
чёрту — братом, мне — врагом.
Я в тот день ушёл из дома
в мир чужой и незнакомый
и с тех пор вот здесь в лесу
крест нелёгкий свой несу.
В то же лето на полянке,
вырыл заступом землянку,
в ней живу один, как перст.
На сто вёрст, считай, окрест
нет другого поселения.
Здесь никто моим молениям
и занятиям не мешал.
Тут я многое узнал.
Как растут цветы и травы,
в чём их сила, в чём их слава,
в чём их польза или вред, —
всё мне это не секрет.
Приоткрыла мне природа
много тайн за эти годы,
в том числе, язык зверей.
Их люблю я как друзей.
И нередко за обедом
с ними мы ведём беседы
о былом, о новостях

в наших и чужих краях.
Как-то раз мои зверята
мне поведали про брата,
что ушёл на тот он свет,
где тепла и света нет.
Люди грешника зарыли,
будто пса, в сырой могиле,
чтоб не делал больше зол,
вбили в сердце острый кол.
На тот свет свои секреты
он унёс из жизни этой,
всё, что ведал, всё, что знал,
никому не передал.
Так что помощи великой
от меня не жди. Иди-ка
в край, где брат лежит в земле
в вечной сырости и мгле. —
Помолчал старик немного,
дал цветок ей: «На подмогу
вот тебе разрыв-трава —
всем растениям голова.
Что за сила в той былине,
ты узнаешь на чужбине.
Если вдруг придет беда,
доставай её тогда.
А ещё возьми-ка птичку —
проводницу-невеличку.
Знает всё на свете чиж,

говорить не может лишь.
Без сомнений и без страха
лесом двигайся за птахой,
путь не близок и не прост,
но придёшь ты на погост.
За кладбищенским забором
спит в земле твой давний враг,
с ним сама должна решить –
как тебе на свете жить».
Поклонилась Марья в пояс
и пошла вперёд тропой
в лес таёжный за чижом
сквозь кусты и бурелом.

* * *

Долго, нет ли вместе с птичкой
проводницей-невеличкой
Марья странствовала вновь,
ноги все истёрла в кровь.
Перепутав дни и ночи,
изорвала платье в клочья,
словно облако весной
растеряла облик свой:
ни красы уже, ни силы.
Наконец, она могилу
отыскала кое-как,
на колени сразу – бряк,
со слезами и со стоном
стала в землю бить поклоны,

раз пред нечистью в долгу.
Но колдун ей ни гу-гу.
Что же делать? Брать лопату,
чтобы вырыть супостата,
или плакать да стонать,
от прохожих помощь ждать,
иль надеяться, что свыше,
вдовьи жалобы услышав,
избавление придёт
от печалей и невзгод,
или с силою собраться,
к старику назад податься,
может, даст какой совет?
Тут и вспомнился ей цвет.
Интересно, что он может,
как он ей в беде поможет?

Развязала узелок,
где завязан был цветок,
и вздохнула: «У травинки
что за сила? Как пушинкой
бить слона или быка,
так травою старика,
даже если пожелаешь,
вряд ли сильно испугаешь».

Всё ж к могиле колдуна
траву кинула она.
В тот же миг земля качнулась,
солнце тучей затянулось,

загремел из тучи гром,
будто кто разрушил дом,
град пошёл, и в миг единый
землю всю покрыли льдины.
Наступила злая мгла,
день укравшая дотла.
Крик разнёсся по округе.
Марья спряталась в испуге
за кладбищенский забор,
как в густые брови взор.
Страшно ей, но через щели
видит Марья, налетели
ведьмы, бесы к мертвецу
на поклон, словно к отцу.
Слёзы льют, скрипят зубами,
вдруг, упало с неба пламя
и могилу, как стекло,
на осколки разнесло.
Черти радостно завyli,
и поднялся из могилы
вместе с гробом злой колдун.
В сердце кол, словно гарпун,
не даёт ему свободу,
чтоб опять вредить народу.
В наступившей тишине
время шло, будто во сне.
Вдруг, мертвец сказал: «Мне надо
вашу помощь, слуги ада.
Кто безгрешен, подходи, —

кол мне вырви из груди».
Нечисть сникла. Эта братья
не способна снять заклятье:
всякий тут и вор, и тать.
Что с поганных можно взять?!
Захрипел колдун: «Ищите
и ко мне сюда тащите
бабу или мужика.
Ночь уж больно коротка».
Черти с нечистой в испуге
разбежались по округе.
Видит Марья, прямо к ней
ведьмы мчат быстрее коней.
Метлы урочат под ними,
то опустят, то поднимут,
почитай, до облаков
в рваных юбках седоков.
Марья съежилась от страха.
Так боится смерти птаха
в цепких лапах у кота,
так страшится сирота
взгляда мачехи и слова,
бессловесная корова
так боится мужика –
больно плеть его жестка.
В одночасье те старухи,
облепив её, как мухи,
понесли во весь опор

к колдуну на разговор.
Говорит колдун: «Далече
шла ты, девка, к нашей встрече,
не жалела бы еду,
не попала бы в беду.
Были б живы все и здоровы,
полны радости и славы,
богатели б с каждым днём».
Марья вспыхнула огнём,
слёзы выступили: «Деда,
не кори меня обедом,
я, считай, что тридцать лет,
вспоминаю тот обед.
Ничего не позабыла:
как гнала тебя, как била,
виновата я во всём,
свой сама сгубила дом.
Если можешь, то хоть детям
дай в добре пожить на свете,
я ж свой крест снесу сама,
не хватило раз ума».
Ей в ответ мертвец: «Подруга,
коль окажешь мне услугу,
я тогда простить готов
твой привет, обед и кров.
Подойди сюда поближе,
наклонись как можно ниже,
кол мне вырви из груди
и домой себе иди».

Марья в страхе и волнение
подошла бесцветной тенью
к гробу, где лежал старик,
призадумалась на миг,
а потом перекрестившись,
крепко за кол ухватившись,
отмахнувшись от всего,
с силой дернула его.

* * *

Рано утром тёплым летом
Марья встала до рассвета,
хоть мягка её кровать,
но уже не время спать.
Летом стыдно нежить тело,
потому как летом дела
у крестьян неупорот:
свиньи, куры, огород,
козы с овцами, коровы,
пашня, пчёлы, сад фруктовый
и ещё десяток дел
знает всякий земледел.
Марья сладко потянулась:
«Слава Богу, что проснулась,
больно страшный снился сон,
напугал не в шутку он:
колдуны всё да злодеи.
Эй, Иван, вставай скорее,
солнце красное встаёт,

нас давно работа ждёт.
Мы к обеду сварим с Машей
для тебя хоть щи, хоть кашу,
ну, а коль поможет Бог,
сладкий сделаем пирог,
если хочешь, – можем с рыбкой».
«Молодец ты, – муж с улыбкой
обнял Марью, – я с тобой,
как за каменной стеной.
Всё ты можешь и готова
угодить мне вновь и снова,
благодарен я судьбе
и завидую себе».

Неожиданно с полатей
птичка прыгнула к кровати.
Марья крикнула ей: «Чиж,
ты откуда, что молчишь?
Или ты с дороги сбился,
иль от ворога укрылся,
может быть, споёшь, с утра
пожелаешь нам добра.
Ведь не зря ты скачешь дома,
словно друг или знакомый»?
Чиж чирикнул, сел на стул
и в окошко упорхнул.
Марья вдруг загоревала:
«Эту птичку я видала
то ль во сне, то ль наяву,
то ль слыхала чью молву,

но она мне как родная.
Отчего? Пока не знаю.
Ты не ведаешь, Иван»?
«Нет, я спал, как басурман, –
он в ответ, – иль, как девица,
так что было не до птицы.
Правда, видел сон, что мы
вдруг дожились до сумы.
Из-за подлого злодея,
ты пропала, я, жалея,
охранял детей, как мог, –
всё же вскоре в землю слёг».
Марью всю заколотило:
«Значит, это вправду было –
колдовство, скитанья, дед
и мучений тридцать лет».
Подошел Иван: «Причины
я не вижу для кручины,
сон дурной – он всё же сон,
не велик с него урон.
Мы с тобою, видишь, вместе,
дом, скотина – всё на месте,
дети рядом, все живём,
чаша полная – наш дом».
«Коли так, давай за дело, –
Марья вновь повеселела, –
проболтали пол утра,
нагонять часы пора».

И, как белка, закрутилась,
в суете чуть-чуть забылась,
отлетел куда-то сон,
как пустой ненужный звон.
Раскраснелось к полдню солнце.

Марья глянула в оконце
и увидела: старик
шёл деревней напрямик.
Толстой палкой суковатой
пыль пахал он, как оратай
пашет полюшко весной.
С виду страшный он и злой.

Деревенские собаки
взвыли разом, так во мраке
воют волки на Луну,
поминая сатану.

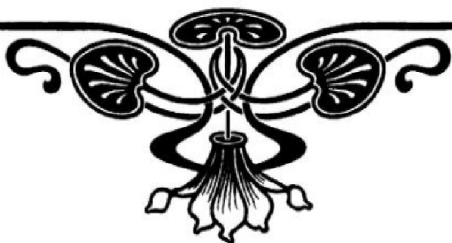
Люди деда сторонились,
за спиной тайком крестились,
и не глядя взад, бегом
торопились скрыться в дом.

Дед замешкался немного,
а затем свернул с дороги
и зашёл в соседний дом
без расспросов напрямиком.

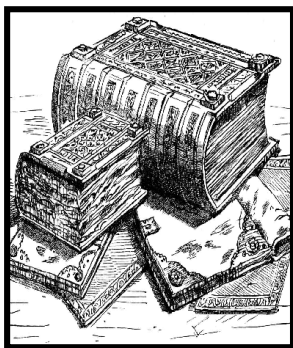
Марья ахнула, пред нею
промелькнули вновь злодеи
и безумно длинный сон:
«Значит, снова ходит он,
значит, кто-то примет муки

через эти через руки.
Я ж рвала из сердца кол».
Марья рухнула на пол.
Долго нет, она лежала,
но очнулась, быстро встала,
на ходу схватив платок,
побежала за порог
прямым к соседской хате,
чтобы всё о супостате
рассказать и тем помочь
отвести напасти прочь.
Чуть живая в дверь вбежала.
Что же видит? Среди зала
стол под скатертью стоит,
за столом колдун сидит,
перед ним большая чаша
с маслом сдобренной кашей,
рядом в потной кринке квас,
видно, с погребца зараз.
За столом её подруга
деда кормит, словно друга,
поднесёт да подольёт.
Дед мурлычет, словно кот,
улыбается хозяйке
да рассказывает байки.
Та хохочет во весь рот
и щебечет в свой черёд.
Марье стул пододвигает:

«Проходи к столу, родная,
не стесняйся, заходи,
с гостем нашим посиди.
Ходит он от края к краю,
много видел, много знает,
слушай только да учись,
как свою устроить жизнь».
Дед жуёт, а сам кивает,
мол, действительно, всё знаю,
мол, не зря всю жизнь хожу,
попроси и расскажу.
Марья села виновато,
в голове туман и вата,
ничего не разберёт:
тот колдун или не тот.
Расспросить бы его ладом,
что ему от бабы надо,
только струсила, к стыду,
накликать опять беду.
А старик поел, поднялся,
по обычью попрощался
и пошёл туда, где нас
вряд ли кто-то ждёт сейчас.
Что тут правда, что тут лживо,
разбирайся неленивый,
мне же это недосуг,
много дел других вокруг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА

(сказка в стихах)

(Первая редакция)

***Посвящается Жене Степановой
– дорогой дочери с любовью и
пожеланиями
сказочного счастья***

*Одо лень – приворотная
трава, зелье ворожейное.*

В. ДАЛЬ.

* * *

*Где дремучие леса
Подтирают небеса,
Где они из года в год
Смотрят, в зеркало болот,
Там, как в сказке чудеса,
Одолень-трава растёт.*

* * *

*То ли давеча иль ныне,
в старой сказке иль в былине,
наяву или во сне,
в той иль в этой стороне,
то ли спереди иль сзади,
за забором иль в ограде,*

то ли «под», а то ли «на»
есть старинная страна.
Велика она, в полсвета,
но её на карте нету,
потому как в этот год
был на карты недород.
Разный люд в стране ютится,
топорами мастерится,
молотками гвозди бьёт
да хлеба серпами жнёт.
Под единым ходят богом
и богатый, и убогий,
простофиля и хитрец,
шут придворный и мудрец,
весельчак и меланхолик,
семьянин и алкоголик
и торгующий народ,
что нам сказки продаёт.
Слава Богу, что у Бога
и для прочих места много,
кто, как может, так живет,
правит ими царь Кокот.
Царь – и в Африке он царь.
Про Кокота даже встарь
и в журналах, и в газетках
появлялись заметки:
как лежал он, как сидел,
что и как, и сколько ел,
как он войны полководил
и страною верховодил,
как остался без жены
на потеху всей страны.
Та сбежала от Кокота
с иноземным обормотом,

обозвав его козлом,
впрочем, сказка не о том.
Как-то, маясь от безделья
и страдая от похмелья,
в первый раз за сорок лет
царь решил созвать совет.
Пригласил в свои палаты
самых умных депутатов,
сто министров, воевод,
генералов всех пород,
звездочетов, чародеев,
собутыльников, евреев,
мамок, няней, двух шутов —
всех, кто был всегда готов.
Просморкавшись в свой платочек,
начал царь без проволочек:
«За бедой опять беда
надвигается сюда,
хоть давись, хоть бейся лбами,
вся держава вверх ногами,
развалилась в пух и прах,
как костяшки на счетах.
Вы ж как-будто с Голливуда:
лишь гулять да бить посуду,
а чтоб дать царю совет,
вас как не было, так нет.
Чтоб исправить положение,
вот мое распоряжение,
а хотите — то приказ:
чтобы к завтраму у нас,
как по щучьему веленью
да по царскому хотенью,
появилась жена.
Чтоб собой была красна
да мила, тепла, и, кстати,

чтобы девка, без дитяти, —
и чтоб всяк уразумел,
нет важнее в царстве дел.
И на том конец дебатам,
не бывать здесь демократам:
каждый просит лишь да врет.
«Цыц!», — закончил царь Кокот.

В тот же миг воспоминанья
не осталось от собранья,
разбежались по домам,
притаились по щелям,
как клопов худое племя, —
пережить лихое время.
День прошёл, другой идёт,
царь Кокот усердно ждёт
звездочётов, чародеев,
собутыльников, евреев,
депутатов, воевод,
генералов всех пород,
богом тронутых старушек,
двух дряхлеющих петрушек,
ну, хоть кто бы ни на есть,
оказал Кокоту честь.

На беду, в престольном граде
не нашлось, кто Бога ради,
дал бы батюшке совет,
чтоб да старости-то лет,
как петух не женихался,
с молодцами не равнялся,
а замаливал грехи,
слушал сказки да стихи.

Не дождавшись, царь, с досады
снес вокруг дворца ограду,
разломал на кухне печь,

чтоб блины не смели печь,
и отныне и до веку
ввел запрет на дискотеку,
посидите, мол, и так,
посвистите в свой кулак.
Чтобы кризис разрешился,
царь решительно решился
сам объехать всю страну
и сыскать себе жену.
Рано утром, до рассвета,
царь залез в свою карету,
как под крышу воробей.
Ну, залётки, лошадей
подстегнул слегка вожжами
и пошёл, лишь пыль, клубами
за каретой вьётся вслед,
как за дамою валет.
Что хотите, говорите,
влево, вправо поверните,
что отнимешь, не складёшь,
потеряешь, не найдёшь,
День и ночь, а может, боле,
царь наш царствует на воле,
утром, только рассвело,
приезжает он в село.
Сразу видно, что богатый
здесь народ живёт по хатам.
На столах у всех еда:
кукиш, шиш да лебеда,
запивают разносолы
то водою, то рассолом,
одеваются в шелка
из холщового мешка,
сапоги у них из меха,
рядом с дыркою прореха,

шапок тоже целый воз
из нечесанных волос.
Царь Кокот остановился,
на селенье подивился:
«Вот какой у нас народ,
хоть и худо, а живёт,
да в указанные сроки
платит царские оброки,
пополняет нам казну.
Надо здесь искать жену!»
И в порыве вдохновенья
царь дает распоряженье,
чтоб крестьяне сей же час
приводили, напоказ
без замин и проволочек
сыновей своих и дочек,
правда, те, кто поумней,
не водили сыновей.
Девки, вроде, тож не рады
государеву параду,
да не скажешь напрямик —
все же царь, а не мужик.
Хоть он старше, чем собака
у попа была, однако,
дюже выгодный жених.
Мамки цыкнули на них,
папки малость поворчали,
по затылкам постучали,
и пошли, поджав хвосты,
все на конкурс красоты.
Царь на травке разместился,
на березку покрестился,
пругал маленько баб,
как какой-нибудь арап,

не за дело – для порядка
(и царю нужна разрядка,
чтобы жить – не умереть),
В общем, начал царь смотреть.
Вот девица – словно пава,
да лицо, как пень, коряво;
и другая вся в прыщах,
третья, как скелет, тоща,
у четвертой девки ноги
пыль сгребают на дороге,
та длинна, а та полна,
будет тумба, не жена.
Час проходит, два проходит,
у царя аж скулы сводит
от тоски и скукоты, –
где уж тут до красотой.
Хоть налево, хоть направо,
всё не девки, а отравы,
ни одна не хороша:
то не видят ни шиша,
то, хоть видят, да не слышат,
то воняет от подмышек,
то беззубы, то черны,
то смешливы, то умны.
День уже склонился к ночи,
у царя не стало мочи:
«На сегодня кончен тур,
объявляю перекур.
Остальных досмотрим завтра,
дайте браги для азарта,
угостите и народ,
не за мой, конечно, счет».
Говорится сказка скоро,
да дела идут неспоро.
Солнце вышло из ворот,

а к царю опять народ
лезет бойко на смотрины,
как дурак на именины
за стаканчиком винца.
Не видать тому конца.
По дорогам и по тропам
девки шли со всей Европы,
как слоны на водопой.
Царь не выбрал ни одной.
В это время из столицы,
как напуганные птицы,
скачут в разные концы
полупьяные гонцы,
ищут с явной неохотой
след пропавшего Кокота,
ведь не знают егеря
настроение царя.
Правда, милостию божьей
царь простил им всё, что можно,
сам отправился домой
от расстройства чуть живой.
Рано утром он в столицу
прибыл, как из-за границы,
кликнул заново друзей,
и полезли из щелей
звездочёты, чародеи,
собутельники, евреи,
сто министров, два шута,
депутатов до черта,
равной масти генералы,
словом, прихвостней немало.
В тот же час наперебой,
сговорившись меж собой,
зажужжали ему в уши,

мол, царь-батюшка, послушай,
говорят, что где-то есть,
у границы самой весь.
В этой веси у границы
проживает царь-девица,
говорят, что сам Гвидон
до сих пор в неё влюблён,
хоть ему пришлось жениться
на царь-Лебеди девице,
впрочем, это сказ другой,
Пушкин там всему виной.
Царь Кокот взволнован вестью,
заходил, как волк, на месте,
побежал бы может быть,
но уже не волчья прыть.
Тут хоть вычти, хоть умножь,
потеряешь—не найдёшь.
Говорится сказка скоро,
да дела идут неспоро,
все же к лету, наконец,
спохватился царь-отец,
«Эта сказка без Ивана
Прям базар без балагана,
нужен срочно мне дурак,
пусть послужит за пятак».
Отыскали дурня слуги,
как ни странно, без натуги
и доставили во двор,
где такой был разговор:
«Послужить царю немного
надо, Ваня, в путь-дорогу
собирайся и айда,
нам неведомо куда.
Говорят, что у границы
проживает царь-девица.

Привезешь сюда, отец
даст за это леденец,
Не захочешь—оплеуху
дам своей рукою в ухо».
Говорит в ответ дурак:
«Прогуляюсь, коли так».

* * *

Ваня скоренько собрался,
лапти снял, подпоясался,
взял с собой лепешку в путь
и пошел куда-нибудь.
Хорошо гулять по свету,
коль в душе заботы нету,
но Ивану в этот раз
надо выполнить заказ.
Чтобы не было скандала,
он шагает без привала,
раз дурная голова,
может, год, а может, два.
И однажды на поляне
натолкнулся он на камень,
а на камне письма: —
«Здесь девицы-царь страна.
Кто пойдет отсель направо —
ждут того почёт и слава,
кто налево повернет —
тому слава и почёт,
кто останется на месте —
в славе будет тот и с честью,
кто же двинет по прямой —
тоже будет неживой».
Покручинился Ванюша,
что родителей не слушал,

в детстве в школу не ходил,
речь родную не учил.
Почесал затылок Ваня,
плюнул с горечью на камень,
призадумался на миг
и потопал напрямик.
Шёл он час, другой, покуда
не увидел в поле чуда:
беломраморный дворец –
дорогих камней ларец.
Весь сверкает он и пышет,
облака, как снег, на крыше,
а вокруг дворца, цветы
несравненной красоты.
На траве у частокола
люди мужеского пола,
может, сто иль все пятьсот
(жаль, Иван не знает счет)
навсегда в тени уснули
от любви, а не от пули.
Безответная любовь
часто портит нашу кровь,
Ваня, этого не зная,
видит, дева молодая
из дворца идёт. Она
опьяняет без вина,
а глаза, как лук стреляя,
жизни молодцов лишают.
Но Иван не чех, не лях
удержался на ногах.
Говорит она: «Хороший
видно, витязь ты, поплоше
вянут, как в мороз цветы,
от девичьей красоты
и ложатся у ограды,

помирая без награды».
Ей в ответ Иван: «Ну, что ж,
я на энтих не похож,
не дурак, не перестарок,
и тебе как раз под пару,
но поклялся я царю,
к сентябрю, иль октябрю
привезти тебя в столицу.
Он, не я, хотел жениться.
Собирайся, царь Кокот,
коль не помер, верно, ждёт».
Улыбнулась дева: «Ваня,
что же мы на ероплане.
иль на нечисти какой
полетим к царю с тобой?»
Помолчал Иван немножко:
«Скидавай, давай, сапожки,
на своих двоих пойдём,
года за два добредем.
Хоть ты царь, но всё ж девица,
так что надо подчиниться».
Та, неясно почему,
подчинилась ему:
«Что ж, Иван, пойду с тобою,
буду я царю женою,
но скажи мне тет-на-тет,
каковой его портрет?»
Почесал затылок Ваня:
«Фотографий нет в кармане,
впрочем, он совсем как я,
только толстый, как свинья,
Говорят у нас в народе,
жирный царь сегодня в моде,
раз не мот он, не транжир,

значит, будет в теле жир».
Царь-девица, взяв платочек,
завязала в узелочек
свой дворец. Его Иван
сунул радостно в карман,
и пустились наугад,
в путь, куда глаза глядят.
Говорится сказка скоро,
да дела идут не споро,
сказку в руки не возьмёшь,
не посеешь, не пожнёшь.
Как-то утром царь проснулся,
словно кот со сна, прогнулся,
посмотрел в окно отец
и расстроился вконец.
За окошком ниоткуда
появилось за ночь чудо:
беломраморный дворец –
золотых камней ларец.
Весь сверкает он и пышет,
облака, как снег, на крыше,
а вокруг дворца цветы
несравненной красоты.
На траве у частокола
люди мужеского пола,
может, сто или пятьсот.
Взбеленился царь Кокот:
«Кто без ведома и спроса
у меня под самым носом
за ночь выстроил дворец –
новый русский иль купец,
мафиози, казнокрады?
Доложить, а то награду
прилеплю под самый глаз.
Все усвоили приказ?»

В это время, словно в сказке,
как по царевой указке
появился на доклад
не министр, не депутат,
не из мамок кто из нянек,
а знакомый дурень – Ваня.
Говорит он, поклонясь:
«Царь, скорее с трона слазь,
Девку я нашел, что надо,
притащил к тебе в ограду
вместе с мраморным дворцом,
будь ей мужем и отцом».
Царь Кокот от изумленья
принял мудрое решение:
«Как обещано, дурак,
пусть получит свой пятак,
а ещё – налить Ивану
царской браги полстакана,
на закуску выдать щей
из соленых овощей.
А ко мне зовите сваху,
да почище бы рубаху
поискали, коль не лень,
чай, женюсь не каждый день».
Причесался он немного
и пошел через дорогу
вместе с свахой сам не свой,
в гости к девке молодой.
На крыльцо, царя встречая,
вышла дева молодая,
отдает ему поклон
и берет его в полон
красотой неизречённой.
«Будь моею нареченной», –

шепелявит царь Кокот,
деву за руку берет.
Говорит ему девица:
«Если хочешь, царь, жениться,
то послушайся меня,
и не мешкай, царь, ни дня.
Дам тебе я три задания,
заучи их со вниманьем.
Как исполнишь, мы с тобой
станем мужем и женой.
А На нет, и спроса нету,
мало ли царей по свету,
нынче здесь я, завтра там».
Царь ответил: «По рукам,
всё исполню со стараньем».
А девица: «Вот задания.
Поначалу надо нам
яблок, спелых килограмм,
молодильных, чародейных,
что в теплицах берендейных
созревают раз в сто лет.
Их доставь нам на обед.
Вот желание второе:
где-то чудо есть такое,
прозывают кот Баюн,
он затейник и шалун,
всё, что делается в мире,
он, как радио в квартире,
чётко знает наперёд.
Песни этот кот поёт,
пляшет весело вприсядку,
знает сказки и загадки!
Принеси скорей кота,
без него здесь скучота.
И еще хочу я чудо —

золочёную посуду,
чтоб питья в ней и еды,
словно на море воды
ни на самую на малость
никогда не убавлялось.
А покамест, царь Кокот,
от ворот вам поворот».
Говорится сказка скоро,
но дела идут не споро.
День за днем листает царь
чужеземный календарь,
в нём, и это не в обсуду,
нет ни слова про посуду,
ни намека на кота,
лишь разврат да срамота.
Нет и яблоч чародейных,
что в теплицах берендейных
созревают раз в сто лет.
Не дают царю ответ
ни старинные журналы,
ни цыганка, что гадала
на бубнового туза, —
выпадает всё буза.
Между делом он две фляги
выпил лучшей царской браги,
спал на троне да икал —
этак он соображал.
Как-то с дури или спьяну
спохватился он Ивана:
«Где скрывается дурак?
Растуды его и так!»
Отыскали-дурня слуги,
как ни странно, без натуги,
привели на царский двор.

Царь повел с ним разговор:
«Послужи царю немного,
собирайся в путь-дорогу.
Для начала надо нам
яблок спелых килограмм,
Молодильных, чародейных,
что в теплицах берендейных
созревают раз в сто лет,
нам доставь их на обед.
Вот задание второе:
где-то чудо есть такое,
прозывают кот Баюн.
Он затейник и шалун,
пляшет весело вприсядку,
знает песни и загадки,
подавай сюда кота,
без него нам скучота.
И ещё мне надо чудо –
золочёную посуду,
чтоб в ней царская еда
не кончалась никогда.
Принесешь все это в среду
прямо к званому обеду,
коль успеешь – твой отец
даст за это леденец,
да и я, быть может, браги
плескану тебе из фляги,
и пошлю тарелку щей
из соленых овощей.
Не успеешь – будет худо,
бить тебя прилюдно буду».
Говорит в ответ дурак:
«Прогуляюсь, коли так».
Ваня снова в путь собрался,
лапти снял, подпоясался,

и пошел, как и всегда, —
сам не ведая куда.
Не спеша, но со сноровкой
прошагал без остановки
в скором времени Иван
сто больших и малых стран.
На дорогах и в селеньях
по цареву повеленью
он расспрашивал людей:
где прописан Берендей,
где кота искать, откуда
достает народ посуду.
Но молчал, чужой народ,
как воды набравши в рот.
Говорили, правда, шведы,
про Полтавскую победу,
да германец, сморщив нос,
про Москву да про мороз,
остальное вражье племя
говорило не по теме,
да и слушать этот звон
Ване было не резон,
Так он мыкался по свету
без коней и без кареты,
без фуражки и штиблет,
отощавший, как скелет.
И однажды, ближе к ночи,
у него не стало мочи
ни стоять, ни догонять.
Он решил заночевать.
Повернул босые ноги
на обочину дороги,
а затем в дремучий лес.
Здесь его как-будто бес

подтолкнул легонько в спину,
в непролазную трясину,
где в довольствии живет
лишь лягушачий народ.
Понял Ваня, что под Богом
ходят все, что жизнь немного
впредь наделает хлопот –
смерть встречает у ворот,
ждет безносая старуха.
Вдруг услышал он над ухом
голос чистый, как слеза,
приоткрыл Иван глаза.
Как во сне, он видит: рядом
дева в сказочных нарядах,
вся в сиянье, как Луна,
опьяняет без вина.
Говорит она Ивану:
«Чай, ты, юноша, не пьяный,
что плескаешься в воде?
Не случится бы беде.
И прохладно что-то ныне,
вылезай, а то простынешь».
Ваня руки протянул.
«Чуть, – сказал, – не утонул.
Ну, спасибо тебе, дева,
если ты не королева,
то желаю всей душой
стать царицей водяной,
раз прогулки на болоте
у тебя в большом почете:
А еще хотел бы знать,
как вас звать и величать».
Рассмеялась девчонка:
«Моё имя Одолёнка,
а тебя зовут Иван;

ты пришел из дальних стран.

Знаю я, царю Кокоту
Взять жену себе охота.
Чтоб подарки ей поднести,
он велел тебе принести
молодильных яблоч груду,
Баюна-кота, посуду.

У Ивана выпал глаз:
«Ты не ведьма ли зараз?
Интересно мне, откуда
Ты узнала про посуду,
может, я, когда тонул,
ненароком что сболтнул?»

«Не терзай себя за это,
мне известны все секреты,
все дела и все слова —
колдовская я трава.

Хоть живу я на болоте,
но мои труды в почете,
помогу тебе и впредь
все преграды одолеть,
а пока ложись скорее,
утро ночи мудренее».

Повела она рукой,
и домишко небольшой
очутился на поляне.

По ступенькам деревянным
он вошел в него и спать
завалился на кровать.
Одолёна утром встала,
вновь рукою помахала,
и исчез куда-то дом
вместе с койкой и крыльцом.

Говорит: «Следи за мною,

стану я сейчас травою,
ты сорви цветок, Иван,
спрячь в котомку иль в карман,
и храни сильнее глаза,
А беда придет, так сразу
говори мои слова:
«Одолей врага, трава,
иль преграду, иль невзгоду,
иль судьбу, иль непогоду»,
А затем бросай цветок,
обратившись на восток»,
В круг три раза повернулась,
вмиг травою обернулась,
а на той траве цветок,
словно солнышка глоток.
Взял Иван цветок-девицу,
примостил ее в петлицу,
и без горя пошагал,
то искать, что не терял.

* * *

День проходит или боле,
встретил Ваня в чистом поле
старца древнего с клюкой
и с котомкой за спиной.
«Здравствуй, добрый человек, —
гсворит Иван, — далеке
или близко держишь путь,
может, надо подмогнуть?»
«Помоги, коль ты сильнее,
а иду я к Берендею, —
говорит старик в ответ, —
тайны в том великой нет.
Стар я стал. В последни годы
ездил в Минеральны воды,

пил жень-шень чертям назло,
ничего не помогло.
Как старел, так и старею.
А теперь вот к Берендею,
как сказал тебе, иду.
Говорят, в его саду
свежих яблок молодильных
чародейных и всесильных
за столетье, почитай,
небывалый урожай».
Подхватил Иван котомку:
«Жаль, что нету Одоленки,
раз такие тут дела,
пусть бы девка помогла».
Но, раскинувши мозгами,
как картежными тузами,
он решил: «До яблок сам,
доберусь назло врагам»,
Посмотрел он на цветочек,
тот, как солнышка глоточёк,
вроде, шлет в ответ сигнал:
«Молодец, что так сказал».
Так идут, ведут беседу
от обедало обеда
неизвестный старичок –
и Ванюша-дурачок.
Говорится сказка скоро,
да дела идут не споро.
Через восемь дней пришли
дед с Иваном в край земли.
А от края чуть левее
видно царство Берендея,
всё в деревьях и цветах,
в свежавызревших плодах,

за таким большим забором,
что багдадским даже ворам
пожиться чем-то тут
непосильный был бы труд.
Дед с Иваном поглазели,
под забором, как в постели,
переспали, а потом
к Берендею на прием,
лишь Луна уснула в море
всяк с своим помчались горем.
Во дворце их, как гостей,
царь встречает Берендей,
и согласно протоколу
угощает кока-колой
и, сажая на ковер,
начинает разговор:
«Я бы мог погнать в три шеи
вас из царства Берендея,
но хотелось бы узнать,
между прочим, так сказать,
не шпионы ль вы какие,
из враждебной нам России,
иль совсем наоборот –
кто-то мне подарок шлет,
или, может, вы пираты,
иль бродячие кастраты?»
«Что ты, царь, – сказал старик, –
сядь, типун на твой язык.
Мы пришли за ради Бога
попросить твою подмогу,
дай нам яблоч, Берендей,
пожалей простых людей».
Поглядел правитель строго:
«Хорошо, старик, немного
дам тебе. Иди на склад,

там тебя и угостят.
А с Иваном дело хуже,
пусть он яблоки заслужит,
и вообще, в его года
ничего, кроме вреда
для ума и сердца нету
от растительной диеты.

У меня закон такой:
всякий старый и больной
может фрукты брать из сада.
Если молод, то награду
заслужи. А служба та –
принести Баюн-кота.
Дела нет сейчас важнее
у царя у Берендея,
за кота тебе я дам
яблок целый килограмм.
Не пойдешь – сгною в Сибири,
Хоть в Чите, хоть в Анадыре».
Помолчав, сказал дурак:
«Прогуляюсь, коли так».

* * *

В путь-дорогу с новой песней
пошагал Иван. Известно
нам от бабушек и мам –
нет преграды дуракам.
День проходит или боле,
повстречал он в чистом поле
удалого молодца,
можно воду пить с лица.
Поздоровались ребята,
разговор они богатый
завели между собой:

где, куда, да кто такой.
Добрый молодец Ивану
говорит: «Темнить не стану,
я попутчик твой, старик,
съел я яблоки и вмиг
стал на сотню лет моложе.
И решил тогда: не гоже
просто так идти домой.
Что я нищий иль больной?
Я теперь могу жениться
на какой-нибудь девице,
без жены и жизнь не та.
Баюна хочу кота
подарить ей, чтоб от скуки
у нее не сохли руки.
Будет петь он да играть,
мы же жить да поживать».
Ваня сразу встрепнулся:
«Хорошо, что подвернулся,
ты опять мне на дуги,
нам в один конец идти».
Так идут, ведя беседу,
от обеда до обеда
восемь дней и семь ночей
в ту страну, где Елисей,
царь, известный в некоем роде,
баюнов-котов разводит
и, как люди говорят,
продает тайком котят,
Ближе к ночи до столицы
добрались они, напиться
попросили у людей.
Утро ночи мудреней,
потому без разговора
спать легли возле забора,

утром встали и бегом
к Елисею на прием.
Во дворце по протоколу
угощая пепси-колой,
царь-кошатник Елисей
принимал их, как гостей,
Сев удобно на диване,
при халате и кальяне
Елисей, как речка с гор,
первым начал разговор:
«Знать хочу я, кто такие,
не шпионы ль из России,
иль иных каких сторон?
Может, вздумали урон
нанести моим владеньям
хулиганским поведением?
Может, всё наоборот,
не враждебный вы народ,
а заморские туристы
иль заезжие артисты,
может, шли не тем путём
за каким-нибудь вождём
и приперлись на край света?»
«Что ты, царь, — ему на это
молодой сказал старик, —
мы с Иваном в сей же миг
поясим, как перед Богом:
нам нужна твоя подмога.
есть у нас одна мечта:
«получить Баюн-кота.
Мы сейчас от Берендея,
я, к примеру, постарее
ваших здешних стариков,
но из царственных садов

съел я яблоч молодых,
чародейных и всесильных,
и теперь перед тобой
совершенно молодой.
Потому хочу жениться
на какой-нибудь девице.
а в подарок нужен кот,
что танцует и поет.
Будет петь у нас в квартире,
мы же – жить в добре и мире».
«Вижу, – молвил Елисей, –
нужен кот тебе. Скорей
дуй на склад, пока котята
не распроданы по благу».
«Ну, а твой какой резон?» –
говорит Ивану он.
А Иван: «Царю Кокоту
взять жену себе охота.
Чтоб подарок ей поднесгь,
приказал он мне принесть
молодых яблоч груду,
Баюна-кота, посуду,
чтоб в ней царская еда
не кончалась никогда.
Заходил я к Берендею.
Он погнал меня в три шеи
за котом твоим сюда.
Вот и вся моя беда»,
Елисей в ответ Ванюше:
«Навостри-ка, парень, уши,
будет кот тебе и два,
если ты до Покрова
принесешь мне хоть откуда
золоченую посуду,
чтоб в ней царская еда

не кончалась никогда.
Не пойдешь – сварю
с картошкой
и скормлю котам и кошкам».
Говорит ему дурак:
«Прогуляюсь, коли так».

* * *

Говорится сказка скоро,
да дела идут неспоро,
коль дорога далека.
Снова Ваня старика
через день, а может, боле
догоняет, в чистом поле.
Говорит Иван: «Привет,
ты куда шагаешь, дед?»
Тот Ивану: «У Махмуда
есть какая-то посуда,
в ней приличная еда
приготовлена всегда.
Раз надумал я жениться
на какой-нибудь девице,
надо жизнь ей облегчить,
самоварку раздобыть»,
Снова Ваня востепенулся:
«Хорошо, что подвернулся
ты опять мне на цути,
нам в один конец идти».
Долго шли они, покуда
не нашли царя Махмуда
и большой казенный дом,
где Махмуд ведет прием.
Царь, согласно протоколу,
угостил их вита-колой.

усадив всех на ковер,
пригласил на разговор.
Рассказал старик Махмуду,
что пришли, мол, за посудой,
не шпионы, не враги,
если можешь, помоги.
Говорит Махмуд: «За плату –
хоть сейчас, но, вот, по благу
не могу, ну, хоть убей.
Сорок жён и сто детей,
все с разинутыми ртами,
загребущими руками,
все считают мой доход
дни и ночи напролет,
Так что доллары кладите
и берите, что хотите.,
Ну, а если денег нет,
покажите хоть балет
иль ещё какое диво,
чтобы было все красиво,
романтично, как мечта».
«Покажу тебе кота, –
говорит старик Махмуду, –
Он потянет на посуду,
не мышатник, а Баюн,
музыкант и говорун».
И сейчас же из котомки
достает старик котёнка,
посадил его на стул,
чуть за ухо потянул,
и запел он с переливом.
«Ну, – сказал Махмуд, – за диво
я тебе посуду дам,
поспешай скорей к складам.
Ну, а ты, Иван, что скажешь,

что за фокус ты покажешь?

Если нечего сказать,
не мешай нам почивать».

Вышел Ваня от Махмуда:

«Вот проклятая посуда,
хоть давился из-за неё,
прямо ад, а не житьё.

Или вызвать Одолёнку?

Обещала ведь девчонка,
не смеялась коль, помочь
все невзгоды превозмочь».

Посмотрел он на цветочек,
тот, как солнышка глоточек.

Прошептал Иван слова:

«Одолей врага, трава,
помоги достать посуду,
век тебя я не забуду».

Обратившись на восток,
бросил под ноги цветок.

В тот же миг, как куст зелёный,

появилась Одолёна,
вся в сиянье, как Луна,
опьяняет без вина,

«Что за горе, за невзгода, —
говорит она, — погода,

может, в тутошних краях
на тебя наводит страх,

или, может быть, преграда
на пути твоём и надо

нам её преодолеть,
переплыть, перелететь?

Говори скорей, не бойся,
ни о чем не беспокойся,

отдыхай, твою беду

я руками разведу:
Говорит Иван: «Посуду
Надо взять бы у Махмуда,
но в карманах ни гроша,
на аркане только вша,
да блоха еще на теле
обитает не при деле»,
Одолень-травка в ответ:
«Дела проще в мире нет.
Твой старик забыл котомку,
в ней посуду и котенка,
яблоко кучу – первый сорт,
в общем всё, что ждёт Кокот,
если он за это время
не скончался от волнений.
Так что можешь забирать».
«Не привык я воровать,
говорит Иван упрямо, –
не хочу краснеть от срама,
хоть дорога нелегка,
отыщу я старика
и верну ему котомку,
и посуду, и котёнка,
яблоко кучу – высший сорт,
а Кокот пусть подождёт».
Одолёна улыбнулась,
вкруг три раза обернулась,
словно перышко легка,
превратилась в старика:
«А теперь возьмешь котомку?
Я – старик и Одолёнка,
я всему здесь голова,
колдовская я трава.
Не забудь, что завтра, в среду,
должен ты успеть к обеду

принести товар домой.
Здесь расстанемся с тобой».
Дед Ивану улыбнулся,
вкруг три раза обернулся,
топнул в землю и пропал,
словно сроду не бывал.
Подхватил Иван котомку,
добрым оловом Одоленку
помянул, и снова в путь
пошагал куда-нибудь.
Царь Кокот, проснувшись в среду,
стал готовиться к обеду,
похмелился восемь раз,
осчастливил унитаз,
вымыл руки с неохотой,
побранил слегка кого-то,
и уселся на диван,
ждать, когда придёт Иван.
Без пяти минут двенадцать
слышит царь, к нему стучатся,
побежал бегом Кокот,
дурня встретить у ворот.
Скинул с плеч Иван котомку:
«Ну, задал ты работёнку,
принимай свои дары,
да устраивай пиры».
Царь Кокот от восхищенья
принял мудрое решение:
«В дар получит пусть дурак
мной утерянный пятак.
также пусть нальют из фляги
полстакана царской браги
и дадут на закусь щей
из солёных овощей».

Через час пришла к Кокоту
дармоедов чуть не рота,
может, даже целый полк,
каждый голоден, как волк.

Говорят, любому чину
вкусен хлеб на дармовщину,
где б ни есть и где б ни пить,
лишь бы деньги не платить.

За столы уселись люди,
посмотрели, что в посуде,
что Иван принес сюда,
есть заморская еда,
диву-дивному дивились
да своей слюной давились,
наблюдая, как Кокот
ест с селёдкой бутерброд.

Царь, поев, смахнул все крошки
со стола в свою ладошку,
прожевал их и сказал:
«Я не все вам показал ».
Тут же вынул из котомки
шелудивого котёнка,
посадил его на стул,
чуть за ухо потянул,
и запел тот что-то, вроде
«Во саду ли, в огороде».

А потом учёный кот
вспомнил старый анекдот,
рассмешил всех. У Кокота
приключилась икота,
у некормленных гостей
лишь урчанье в животе.

Царь Кокот опять в котомку
спрятал тощего котёнка.
«Посмотрели и шабаш, —

это вам не вернисаж.
Всем давно пора трудиться,
мне же надобно жениться».
Потому своих гостей
приказал толкать взашей.
Сам почистился немного
и пошел через дорогу
вместе с Ванькиной сумой
в гости к девке молодой.
На крыльцо, его встречая,
вышла дева молодая.
Говорит ей царь: «Заказ
я твой выполнил зараз.
Здесь в котомке яблоч груда,
золочёная посуда,
а в придачу кот Баюн –
он затейник и шалун.
Ты взмен отдай мне руку,
отведи от сердца муку,
чтоб, любовь нам да совет».
А она ему в ответ:
«Если хочешь, царь, жениться,
то изволь не торопиться,
а исполнить мой приказ,
может быть, в последний раз.
Ходит слух, за океаном
иль в других каких-то странах,
если только мне не врут,
на базарах продают
приворотливое зелье
на любовь и на веселье,
а без этого питья
жить с тобой не стану я.
Чтоб любиться нам до гроба,

пить его должны мы оба.
Не найдешь – себе пеняй,
а покуда, царь, прощай».
Царь, напившись с горя пьяным,
повелел найти Ивана
и доставить во дворец,
как невесту под венец.
Отыскиали дурня слуги,
как обычно, без натуги,
сны смотрел он на печи
про блины и калачи.
Через две иль три минуты,
он раздетый и разутый
был доставлен в царский двор
на серьезный разговор.
Говорит Кокот Ивану:
«Слышал я, за океаном
на базарах продают,
коли люди мне не врут,
приворотливое зелье
для любви и для веселья,
для семейного венца
и счастливого конца.
А без этого отвара
я царь-девице не пара.
Если понял что-нибудь,
отправляйся живо в путь».
Сколько Ваня ни рядился,
ни ругался ни молился,
у царя один ответ:
«Чтоб ты к пятнице, в обед,
как по щучьему веленью
да по цареву хотенью,
хоть живой, хоть неживой,
колдовской принёс настой.

А тогда, коль нету мочи,
дам тебе путевку в Сочи,
отдохнешь дней двадцать пять,
а пока изволь молчать».

* * *

Снова Ване собираться,
в путь-дорогу снаряжаться
наступил урочный час.
Не объедешь ведь приказ,
не сотрешь рукой законы.
Вспомнил он про Одолену,
пожалел, что сплоховал,
адресок не записал.
Хоть и знает от кого-то,
что растет среди болота
Одолень – волшебный цвет,
но болотам счёта нет,
да и точные науки
доставляют дурню муки.
В первый раз на полпути
он не знал, куда идти.
Заскучал от горя Ваня:
«Хоть бы корочка в кармане,
хоть бы сахара кусок».
Сунул руку – милый Бог,
а в кармане-то цветочек,
Одолень-травы кусочек,
не находка – благодать,
можно жить – не помирать.
Сразу стал теплее вечер.
Развернул Ванюша плечи
и сказал скорей слова:
«Одолей врага, трава,

помоги достать мне зелье
для любви и для веселья».
Обратившись на восток,
бросил на землю цветок.
И тотчас, как куст зелёный,
появилась Одолёна,
вся в сиянье, как луна,
опьяняет без вина.
«Что за горе, за невзгода, —
говорит она, — погода,
может, в тутошних местах
на тебя наводит страх,
или, может быть, преграда
поднялась не там, где надо,
или мучают цари?
Что им надо? Говори!»
Говорит Иван девице:
«Царь Кокот решил жениться,
шлёт меня за океан,
там, коль это не обман,
продают на рынке зелье
для любви и для веселья,
для семейного венца
и счастливого конца.
А без этого настоя
царь Кокот гроша не стоит:
не жених, а просто пшик,
больше баба, чем мужик.
Коль тебе не трудно это —
дай полезного совета.
Я, как честный человек,
буду помнить тебя век».
«Это, — молвит Одолёнка, —
не работа — работёнка,
Стану я сейчас травой,

ты возьми её с собой,
в ней и счастье, и несчастье,
раздели ее на части,
завари, как крепкий чай,
остуди и угощай.
Часть одну отдай Кокоту
на десерт вместо компота,
часть вторую дай мадам,
ну, а третью выпей сам».
Говорится сказка скоро,
да дела идут неспоро.
Всё же в пятницу в обед
он явился, как и след,
по царёву указанью,
именному расписанью
с приворотною травой
на приём к царю домой.
Говорит царю: «На счастье
я делю настой на части,
выпей часть свою в обед,
словно кофе на десерт.
Чтоб тебе не колготиться,
я снесу и царь-девице
приворотливый настой,
а потом пойду домой,
на печи посплю немного,
отдохну чуток с дороги.
Так что, царь, не обессудь,
жив-здоров и счастлив будь».
По пути зашёл к девице,
на дворец опять дивится:
словно в сказке, тот дворец —
дорогих камней ларец,
весь сверкает он и пышет,

облака, как снег, на крыше,
а вокруг дворца цветы
несказанной красоты.
На крыльцо, его встречая,
вышла дева молодая,
вся в сиянье, как луна,
опьяняет без вина.
Говорит Иван ей: «Зелье
для любви и для веселья
передал тебе Кокот,
ты его, словно компот,
выпей нынче за обедом
и конец тоске и бедам.
Будь здорова и прощай,
лихом, чур, не вспоминай».
Дома Ваня две-три ложки
съел поджаренной картошки,
выпил зелье и на печь
поспешил с тулупом лечь.
В это время у Кокота
появилась забота,
потянуло на любовь,
заиграла в жилах кровь.
«Вот теперь пора к девице,
срочно надобно жениться, —
заметался царь Кокот, —
ишь, энергия как прёт.
И она, поди, в волнение
извелась от нетерпенья,
дожидаясь жениха.
Тут не долго до греха».
В то же время царь-девица
бьётся, словно кобылица.
Разгулявшаяся кровь
потянула на любовь,

как тигрицу на охоту.
«Позову-ка я Кокота,
соглашусь с царём на брак,
он старик, но не дурак.
Съест он яблок молодильных,
чародейных и всеильных,
и, даст Бог, в единый миг
будет молодцем старик,
будем спать в одной постели,
жить в довольстве и веселье».

Ваня спит и видит сон,
что он по уши влюблён
ни в царицу, ни в принцессу,
а в красавицу из леса.

Говорит он ей слова:
«Одолей врага, трава, —
стань моею, Одолена,
перед богом нареченной,
как законная жена», —

Говорит в ответ она:
«Я теперь не Одолёна —
просто девушка Алёна,
ты из сути травяной
колдовской сварил настой.

Не побрезгуешь жениться
на совсем простой девице,
я согласна, что уж врать,
а теперь пора вставать».

Подскочил Ванюша, разом
от волнения ум за разум
забежал, и был таков:
не видал чуднее снов.
Ну, а явь ещё чуднее,
и толковей, и длиннее:

как сиянье от окна,
у крыльца стоит она –
не былинка, а девчонка,
раскрасавица Алёнка.
Говорит: «Иван, привет,
можно в гости или нет?»
Ей Иван в ответ: «Давай-ка,
заходи и будь хозяйкой,
созовем в избу гостей,
справим свадьбу без затей».
«Я согласна, – Одолёнка,
а, верней сказать, Алёнка
входит чинно к Ване в дом, –
будем жить – не пропадём».
Царь-девица в нетерпенье,
в восхищенье и волненье
ждёт-пождёт, когда придёт
очарованный Кокот.
Полежала, походила:
«Ах, накраситься забыла».
Быстро села за трельяж,
чтобы сделать макияж.
В то же самое мгновенье,
как свое отображенье
увидала в зеркалах,
все забыла в пух и прах:
и страданья, и Кокота,
и чего-то, и кого-то,
но за это образ свой
полюбила всей душой.
На себя теперь девица
всё глядит – не наглядится,
а вне зеркала она
знать не хочет ни рожна.
В гости царь идти собрался,

руки вымыл, причесался,
и тихохонько, как вор,
прошмыгнул на царский двор.
Поболтался там немножко
и увидел на дорожке
царь Кокот судьбу свою –
супоросную свинью.
Как увидел, удивился,
и без памяти влюбился,
позабыв на век о всём
в сумасшествии своём:
в том числе про депутатов,
что, как пни, сидят в палатах,
про министров, воевод,
генералов всех пород,
звездочётов, чародеев,
собутыльников, евреев,
мамок, нянек, двух шутов,
про невесту и врагов,
про свою страну в полсвета,
что её на карте нету,
что посуда есть и кот,
яблоку груда – первый сорт,
и про то, что здесь ютятся,
топорами мастерятся
люди всяческих мастей
из различных волостей.
Вот и всё. С того момента
сыплет царь лишь комплименты
для возлюбленной свиньи,
словно деньги не свои.
И по делу, и без дела
он ревнует, как Отелло,
за свиньёй таскаясь вслед,

как за дамою валет.
Кстати, яблоч молодых,
чародейных и всесильных
любопытный народ
так нигде и не найдет.
Золочёную посуду,
что достали у Махмуда,
сдали слуги в Эрмитаж.
Вкруг нее ажиотаж
поостыл, когда узнали,
что еду в ней всю пожрали.
Только старый мудрый кот
во дворце один живет,
а Ивановы детишки
с ним играют в кошки-мышки,
отвечают на «апчхи»,
просят сказки да стихи.
И ещё. У частокола
люди мужеского пола
не лежат ни тут, ни там,
разбежались по домам.
Сколько ниточка ни вьётся,
но конец всегда найдётся,
сказке тоже есть конец,
тот, кто слушал, молодец.
с. Серебрянка,
январь-февраль 1997 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Богатыри	5
Иван-дурак	91
Лесная феерия	105
Одолень-трава	119
Колдун	163
Приложения	217